This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

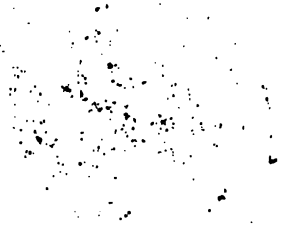
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 934,117

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1960.



ЧТЕНІЕ

В Ъ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

СТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. ДРЕХСЛЕРА,

1813.

NEW YORK PUBLIC

61-212676-646

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770995A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1936 L

Ec.5
B554
v.8

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Августа 16 дня 1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій

ОПЫТЪ

О РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

Iый. ѲЕОФАНЪ.

Мы не имѣемъ на языкѣ нашемъ писателей далѣе введенія въ Россію православной Христіянской вѣры. Богатство языка свидѣтельствуетъ, что оные долженствовали быть и прежде; но сіе подвержено изслѣдованіямъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто разсуждать. Съ принятія Христіянской вѣры процвѣтало у насъ духовное краснорѣчіе, состоявшее въ переводахъ Священнаго Писанія, житія Святыхъ отецъ и нѣкоторыхъ нравоучительныхъ сочиненій, писанныхъ высокимъ Славенскимъ слогомъ. Сверхъ сего имѣемъ мы древнія лѣтописи и другія подобнаго же рода книги; также народныя сказки, пѣсни и по-

PERL. JAN 21 1935

словицы, въ которыхъ слогъ находимъ проспѣе и ближе къ обыкновенному разговору, или устному употребленію языка. Что принадлежитъ до свѣтской словесности, оную узнали мы не прежде, какъ по сближеніи нашемъ съ иностранцами, то есть, со временъ Петра Великаго. Безъ сомнѣнія и въ сей части могли бы мы гораздо прежде и прямѣе получить свѣденіе отъ Грековъ, съ которыми имѣли толь частыя сообщенія; но повидимому одна духовная словесность обращала на себя вниманіе нашихъ предковъ. Можетъ быть оставленіе идолопоклонства и познаніе истиннаго Бога не позволило углубляться въ такія творенія, въ которыхъ хотя и блисталъ умъ человѣческій, но преисполненный ложными о баснословныхъ богахъ понятіями, не могъ нравиться строгому благочестію. Отсюду упражненіе въ наукахъ и свѣтской словесности началось у насъ гораздо позже, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ. Однако сіе не мѣшало духовному краснорѣчію нашему, по причинѣ превосходства Славенскаго языка, далеко надъ ихъ духовными

писанїяи преимуществовать. Мы намѣрены, сколько можемъ, проходить по порядку извѣстныхъ нашихъ писателей, и выписками изъ оныхъ показать предъ почтенными посѣтителями ихъ слогъ, ихъ краснорѣчіе, ихъ достоинство; и начинаемъ съ Ѳеофана.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новогородскій, родился въ Кіевѣ въ 1681-мъ году отъ простаго гражданина и нареченъ Елиссемъ, скончался же въ 1736-мъ, на 55-мъ году отъ своего рожденія. Онъ обучась Греческому и Латинскому языкамъ, также Краснорѣчію и Философіи, находился нѣкоторое время въ Володимирѣ обучая юношество Стихотворству и Риторикѣ. Въ сіе время уже столько прославился онъ своими дарованіями, что многіе ученѣйшіе мужи пріѣзжали къ нему для собесѣдованія. Оттолѣ, яко способнѣйшій изъ всѣхъ монаховъ, отправленъ онъ былъ въ Римскую Академію, куда обыкновенно посылались молодые избраннѣйшіе монахи для совершеннѣйшаго изученія Философіи и Богословію. Потомъ изъ Рима, проѣзжая чрезъ

Венецію, Германію и Польшу, прибылъ онъ, подъ именемъ путешественника, въ Грекопольскій Почаевскій монастырь, гдѣ Игуменомъ того монастыря Исаевичемъ постриженъ въ Греческіе монахи, и нареченъ Самуиломъ. Въ 1704-мъ году, по приглашенію Митрополита Варлаама Ясинскаго, переименовавшись по имени дяди своего Ѳеофаномъ, перешелъ онъ въ Кіевскую Академію въ званіи учителя Стихотворства и при посѣщеніи сего мѣста Петромъ Великимъ говорилъ ему поздравительную рѣчь. Въ 1711-мъ году Императоръ сей повелѣлъ ему слѣдовать за собою въ Турецкій походъ, и по возвращеніи оттуда пожаловалъ его Игуменомъ въ Кіевопустыно-Николаевской монастырь и Ректоромъ Кіевскихъ училищъ; а въ 1715-мъ году призванъ онъ былъ въ Москву и возведенъ въ достоинство Псковскаго Епископа. Императоръ употреблялъ его во многихъ дѣлахъ и совѣтахъ Государственныхъ. Онъ написалъ предисловіе къ морскому уставу. Трудами его изданъ духовный Регламентъ; послѣ чего названъ онъ Вице-президентомъ Синода. Наконецъ по

смерти Петра Великаго супругою его Екатериною Первою возложенъ на него санъ Новогородскаго Архіепископа. Въ 1728-мъ году вѣнчалъ онъ царскимъ вѣнцемъ Императора Петра Втораго, а въ 1730-мъ Императрицу Анну Ивановну. Около сего времени юный Ломоносовъ по врожденной къ наукамъ склонности, ушелъ отъ отца своего, Городо-Архангельскаго рыбака, и записался въ Иконоспаское училище. Ѳеофанъ, примѣтя въ семъ юношѣ отличную остроту и охоту къ наукамъ, взялъ его подъ свое особое покровительство; но чрезъ шесть лѣтъ потомъ сей знаменитый пастырь церкви отшелъ отъ земнаго житія сего въ небесную обитель.

Онъ оставилъ намъ многія сочиненія стихами и прозою, но большая часть оныхъ небреженіемъ утрачена. Особливо же стихи его почти всѣ безъ изъятія, къ великому сожалѣнію, не дошли до насъ. Напослѣдокъ въ 1760-мъ году нѣкоторыми любителями словесности (да будетъ имъ наградою за то благодарность

потомковъ!) собраны и напечатаны проповѣди и рѣчи его, неуспѣвшія еще погибнуть. Издатели оныхъ говорятъ о немъ слѣдующее:

„Когда предки наши съ толь великимъ „раченіемъ собирали и свѣту сообщали дѣла „Россійскихъ писателей, то чемъ мы предъ „потомками нашими оправдаться можемъ, „ежели въ томъ имъ подражать не будемъ? „Когда они оставили намъ многихъ, въ прочемъ „честныхъ своей достойныхъ, но посредственныхъ писателей въ печать изданныя сочи„ненія, то небезотвѣтнымъ ли мы были, „предавъ забвенію труды Ѳеофана? Ѳеофана, „перваго изъ нашихъ писателей, который „многоразличнымъ ученіемъ столь себя про„славилъ, что въ ученой Исторіи заслужилъ мѣ„сто между славнѣйшими Полиисторами, Ѳео„фана краснорѣчіемъ толь великаго, что нѣко„торые ученѣйшіе люди почтили его именемъ „Россійскаго Златоуста, и, что всѣхъ боль„ше есть, Ѳеофана поборника и провозвѣст„ника великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ „обновителя и просвѣтителя Россіи ПЕТРА

„ВЕЛИКАГО. Призна́етъ то всякъ, естьли „только безъ самолюбія и зависти прочтетъ „его слова и рѣчи. Увидитъ въ немъ Богослова „чистое Евангельское ученіе проповѣдующаго, „Философа остроумнаго и просвѣщенному „разуму слѣдующаго, Политика проницатель- „наго, искуснаго Историка и трудолюбиваго „древностей испытателя, напослѣдокъ съ зна- „ніемъ всѣхъ тѣхъ наукъ совокупившаго толь „превосходное краснорѣчіе, что съ славнѣйши- „ми въ свѣтѣ Ораторами равняться можетъ.„

Такъ сказано о немъ при изданіи трудовъ его, изъ которыхъ, какъ уже выше объявлено, хотя многіе утрачены; однако же мы и за тѣ благодаримъ, которые собраны и сохранены. Россійская словесность не престанетъ никогда украшаться ими. Славенскій слогъ его, смѣшенный иногда съ простонародными реченіями, хотя бы и могъ въ иныхъ мѣстахъ быть равнѣе и чище; но сіи не примѣтныя въ великихъ твореніяхъ мѣлочи, подобно какъ въ Рафаиловой кисти малыя небрежности, не препятствуютъ чувствовать

главныя достоинства его, состоящія въ порядкѣ и глубинѣ мыслей, въ плодовитости воображенія, въ приличіи украшеній и въ силѣ языка. Оставшіяся сочиненія его можно раздѣлить на три рода: 1-е Надгробныя слова, то есть, говоренныя имъ при погребеніяхъ знаменитыхъ лицъ. 2-е Похвальныя, поздравительныя или торжественныя рѣчи, на разныя достопамятныя произшествія. 3-е Обыкновенныя проповѣди и поученія. Мы пройдемъ всѣ оныя, сколько краткость бесѣды нашей позволитъ намъ о томъ распространиться.

Первое, говореннное имъ на погребеніе слово, было благодѣтелю своему и величайшему изъ вѣнценосныхъ главъ Владыкѣ, Петру Великому. Представимъ себѣ состояніе Россіи, когда вѣсть о смерти сего, толь славно царствовавшаго надъ нею Отца отечества, поразила ее удивленіемъ, печалію и ужасомъ! Представимъ унылые спешащагося во храмъ народа, гдѣ весь Царскій домъ, Князи, Вельможи, Градоначальники, Полководцы, въ чер-

новъ одѣяніи, мрачны духомъ, съ поникшими главами, стояли во кругъ одра, на которомъ лежало (плачевное зрѣлище!) тѣло Царя, безсмертными дѣлами своими весь свѣтъ удивившаго! Представимъ Ѳеофана въ печальномъ облаченіи изшедшаго изъ среды Первосвященниковъ, и тако рѣчь свою начинающаго: „Что „се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? „что видимъ? что дѣлаемъ? ПЕТРА великаго „погребаемъ!„ По изреченіи сихъ словъ горесть пресѣкла гласъ его, и онъ облился слезами. Представимъ же каковъ былъ стонъ и рыданіе тогда, когда и нынѣ, воспоминая о томъ, едва можемъ мы удержаться отъ слезъ? На долгій часъ царствовалъ во храмѣ одинъ всеобщій вопль и стенаніе. Напослѣдокъ, по нѣкоемъ облегченіи удрученнаго сердца пролитіемъ горькихъ слезъ, краснорѣчивый проповѣдникъ сей, исчисля кратко дѣла сего Монарха, и сказавъ, что настоящая печаль и жалость, понуждающая только сѣтовать и проливать слезы, не допускаетъ его простирать о семъ рѣчь: „Негли (продолжаетъ онъ) со временемъ нѣчто притупится терпъ

„сей, сердца наша будущій, и тогда простран-
„нѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ.
„Хотя и никогда довольно и по достоинству
„его возглаголати не можемъ: а и нынѣ крат-
„ко воспоминающе, и аки бы нѣкимо воскрилій
„ризъ его касающеся, видимъ Слышателіе, ви-
„димъ бѣдніи мы и нещастливіи, кто насъ
„оставилъ и кого мы лишилися.„ Наконецъ,
дабы пролить въ отчаянныя сердца нѣчто
упѣшительное, говоритъ онъ: „Не весьма же,
„Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жало-
„сти, не весьма бо и оставилъ насъ сей
„великій Монархъ и Отецъ нашъ: оставилъ
„насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное
„богатство силы и славы его, которое
„вышеименованными его дѣлами означилося,
„при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣ-
„лалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ
„любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ вра-
„гомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣ-
„лалъ на весь міръ славную, славная и быти
„не престанетъ. Оставилъ намъ духовная,
„гражданская и воинская исправленія. Убо
„оставляя насъ разрушеніемъ шѣла, духъ

„свой оставилъ намъ.„ Такимъ образомъ Ѳеофанъ вездѣ въ теченіи слова своего показываетъ искусство краснорѣчія. Начинаетъ оплакивать Петра высокимъ, поразительнымъ, проницающимъ душу изреченіемъ; исчисляетъ дѣла его, и увеличиваетъ воображеніе слушателя справедливою оговоркою, что настоящая горесть, понуждающая только лить слезы, не допускаетъ его распространяться о томъ; утѣшаетъ, и въ утѣшеніи тѣже дѣла его, и тужъ похвалу представляетъ такъ, что кажется прерывая, продолжаетъ; и отрицаясь сказывать, сказываетъ.

Въ словѣ своемъ, говоренномъ въ 1727-мъ году, на погребеніе Императрицы Екатерины Первой, супруги Петра Великаго, между прочимъ исчисленіями дѣлъ ея и добродѣтелей говоритъ онъ объ ней: „Живущу и царствующу „ПЕТРУ, во всякихъ важныхъ дѣлахъ и слу„чаяхъ здравыми услужила совѣтами, высо„кую порфирородную фамилію, хотя и мно„голичную, и въ любленіи Государя, и въ „Государевой къ ниимъ милости, и во всѣмъ

„номъ между собою согласіи такъ утвер-
„ждати тщалася, что хотя инымъ невѣстка,
„инымъ тетка, инымъ бабка была, однакожъ
„вси ю матерь свою нарицали, не тако
„за превосходную честь, яко за благоутроб-
„ное, и во правду матернее къ себѣ призрѣ-
„ніе. И кто въ гражданской Философіи не
„весьма гость, знаетъ всякъ и исповѣстъ,
„коликое зиждется всему государству благо-
„состояніе отъ таковаго въ Царскихъ домѣхъ
„добраго строенія.„ Потомъ представляя,
какъ она всегда и вездѣ сопутствовала и
раздѣляла труды и попеченія съ Петромъ
Великимъ, продолжаетъ: „И симъ дивнымъ
„и необычнымъ трудолюбіемъ своимъ, боль-
„ше къ подвигомъ возбуждала воинство Рос-
„сійское, нежели возбудити могъ бы кто
„вѣтійскими проповѣдьми и увѣщаніи. Кто
„бо могъ унывати въ путныхъ безгодіяхъ,
„кто бы не устыдился рабѣти въ боевыхъ
„бѣдствіяхъ, когда видѣлъ жену, а жену
„всякаго благоугодія доспѣйную, великую
„Государыню свою таяжде безгодія носящую,
„тѣхъ же бѣдствій участницу?„ Наконецъ

изображая, каковою долженствовала она быть поражена печалію и унынiемъ, когда по смерти супруга своего приняла престолъ Россiйскiй, говоритъ: „Безпрiкладное подалъ Ей „Богъ щастiе въ ПЕТРѢ великомъ, безпри- „кладную же возъимѣла и горесть во отшествiи Его; паче всякихъ надеждъ и чаянiй „сподобилась воспрiята быти въ супружество „отъ столь славнаго Монарха, имѣла за „добродѣтели своя чрезъ толь долгое время „непремѣнную любовь Его, произнесла отъ „крове Его благословенныя плоды чрева своего, „та же и въ наслѣдiе престола царскiй вѣнецъ „отъ него получила. Когда убо толико лю- „бимый супругъ, и толикiй Ея любитель Го- „сударь незапно въ вѣчная отлучился, кто „изрещи можетъ, коликимъ утробу Ея изра- „нилъ сердоболiемъ? А отъ сего непрудно „познати, коликое Ея и великодушiе, и къ „Россiйскому отечеству усердiе. Толикою бо „поражена скорбiю, не токмо не забыла вы- „сокаго долженства своего, но и чудное во „всемъ показала тщанiе: смотрѣти и строи- „ти полки, исправляти правительства, раз-

„давати чины и чести, посылати воинскія „експедиціи, сопрягатися въ союзничество съ „другими потентатами, на голосъ страшной „войны быти въ храброй готовности: сія „и симъ подобная дѣла исполняти, кто не„исповѣсть, что выше женскія силы есть, „и въ самое безпечальное время? а ЕКАТЕ„РИНА во дни воздыханія и стенанія своего „все то исполняла, и тако исполнила, что „многая отъ ПЕТРА намѣренная произвела „въ дѣло, многая начатая совершила: и не „познало Россійское оружіе руки женскія, и „не ощутило море Петровой смерти.„

Рѣчь свою на погребеніе великой Княжны Наталіи Алексѣевны, скончавшейся въ началѣ 1729-го года, начинаетъ онъ сими словами:

„По многопечальномъ тебѣ, о Россіе! ПЕ„ТРА великаго во вѣчная отшествіи, пре„свѣтлѣйшее его наслѣдіе, ово часто отира„етъ слезы твои, ово же и паки возобно„вляетъ люпую скорбь. Не опротивившій „кончиною его престолъ, потомъ новымъ

„солнцемъ державнѣйшимъ Монархомъ Пет-
„ромъ Вторымъ возсіявшій, при семъ же
„отъ губительнаго навѣта избавленный, и
„домъ возвращеніемъ Великія Государыни
„обрадованный, и приращеніемъ въ чужихъ
„странахъ Царской своей крови увеселенный,
„коль великое возъимѣлъ утѣхъ и торжествъ
„своихъ богатство! Но оскорбляющему и
„утѣшающему Богу по неисповѣдимымъ судь-
„бамъ его изволися, дабы свѣтозарные дни
„наша не были до-селѣ весьма чисты отъ
„облакъ скорбей и печалей. Порфироносное
„Петрово потомство, аки бы и въ семъ
„слѣдъ его возлюбивше, не въ единомъ лицѣ
„отходя къ высшимъ въ сѣтованіи оста-
„ляетъ насъ. Коликое же сѣтованіе ты на-
„ипаче навела на домъ и на все отечествіе
„твое, горѣ отъ насъ восхищенная, о Вели-
„кая Государыня! Всякъ въ послѣднемъ семъ
„творимомъ тебѣ послуженіи, аще и видитъ
„коль славное и по достоянію высокой осо-
„бы твоей устроенное велелѣпіе; однакожъ
„помышляя, кого приводимъ ко гробу, всю
„славу сію мнится видѣти темную и мрач-

„ную, и сухими очми смотрѣти на сіе не „можемъ. Что же речемъ о твоей главѣ, о „Богомъ вѣнчанная главо наша, Петре вто„рый? Что речемъ о утробѣ твоей, Великая „Государыня, Царица Евдокія Ѳеодоровна? „Что о сердцахъ вашихъ речемъ, Великія „Государыни Цесаревна и Царевны? Коли„кихъ вы и коль славныхъ плодовъ отъ сего „державныя фамиліи Вашея члена ожидали: „взаимной отъ лицезрѣнія и собесѣдованія „съ нею утѣхи, въ печальномъ приключеніи „отрады, въ сомнительныхъ случаяхъ совѣ„тованія, въ благополучныхъ поведеніяхъ „сорадованія, въ возрастающей славѣ вашей „сорадованія еще же какъ Монаршія крови, „такъ потому жъ и Монархіи сея сѝлы и „крѣпости умноженіе, и другихъ Божіихъ на „васъ благословеній изобиліе. Но о люте! „оныхъ ожиданныхъ плодовъ се увяде цвѣтъ, „пресѣчена надежда, изсякли чаянія. Кто „же изрещи можетъ горесть вашу? Кій „языкъ исповѣстъ сердоболіе ваше? Кото„рое слово изобразитъ остроту тернія у„шробы ваша пронзающаго? О, воистинну

„лучше болѣзнь толикую молчаніемъ, нежели „велерѣчіемъ проповѣдати!“

По изображеніи толь сильнымъ и краснорѣчивымъ образомъ печали, какую домъ Царскій и вся Россія о потерѣ сей великой отрасли Монарховъ чувствуютъ, обращается онъ къ обыкновенному Христіанскому утѣшенію, сравнивая суетное и кратковременное на землѣ пребываніе съ тою не старѣющеюся на небесахъ жизнію, которая днями, мѣсяцами и лѣтами не мѣряется; исчисляетъ добродѣтели усопшей Царевны, по которымъ почитаетъ ее достойною сего блаженства, и говоритъ:

„Сія помышляющу мнѣ, о печальные „слышателіе! приходитъ на мысль оное сло„во Господне о умершей дѣвицѣ: *не умре „дѣвица, но спитъ.* Како бо и сея дѣвицы „смерть наречемъ смертію? Не пачели изъ„бѣжаніемъ отъ различныхъ суетъ, отъ ча„янныхъ и незапныхъ печалей, отъ желаній „и высокія лица надеждою прельщающихъ;

„не паче ли кончину ея наречемъ сномъ хо-
„тя и скорымъ, но благовременнымъ, кото-
„рый не мечтаньми нѣкими душу ея обма-
„нываетъ, но прямымъ жениха своего Хри-
„ста лицезрѣніемъ увеселяетъ. Еще же и
„то приходитъ на мысль мнѣ, что Церковь
„поетъ въ воспоминаніе плѣненнаго Іосифа
„прекраснаго: *Іаковъ*, рече, *рыдаше Іосифо-*
„*ва лишенія, доблій же сѣдяше на колесницѣ,*
„*яко Царь логитаемль.* Тако воистинну и
„нынѣ мы плачемся о отшествіи отъ насъ
„Наталіи; Добляя же Наталія не во Егип-
„тѣ, но въ раю, не Фараону, но Царю цар-
„ствующихъ и Господу господствующихъ въ
„животѣ неразрушаемомъ и неотъемлемой
„радости соцарствуетъ.“

Сверхъ сихъ говорилъ онъ еще другія слова на погребеніе знаменитыхъ лицъ. Во всѣхъ оныхъ находимъ сильный слогъ, убѣдительное нравоученіе и плѣняющее краснорѣчіе. Но обратимся къ торжественнымъ и поздравительнымъ или привѣтственнымъ его словамъ. Первую изъ таковыхъ рѣчей

произнесъ онъ въ церкви Святыя Софіи, при посѣщеніи, какъ мы уже сказали, Петромъ Великимъ Кіевскаго училища. Съ какимъ восторгомъ начинаетъ онъ сіе слово! благодари (говоритъ Кіеву) радостной вѣсти, которая тебя не обманула: „Се обѣщаніе ея ис„полнися. Се очима зриши, его же умомъ „токмо разсматрѣвалъ еси. Се лономъ обье„млеши, его же въ сердцѣ носилъ еси.“ Потомъ, уподобя Кіевъ Іерусалиму, и приведя изъ Давида сказанный на приходъ самаго Царя славы стихъ: *Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ*, продолжаетъ: „наше „се есть пѣніе, намъ нынѣ свойственное: да „гласится сіе во вратѣхъ градскихъ; да слы„шано будетъ по стѣнамъ, по домамъ, по „стогнамъ; да поютъ сіе церкви; да изда„дутъ гласъ сей горы: наипаче же да воспѣ„ваетъ сія престольная Церковь премудро„сти Божія. Якоже бо, когда радуется чело„вѣкъ, и очи, и уста, и руцѣ, и ноздѣ, и вси „прочія члены являютъ на себѣ нѣкое веселіе, „однако наибольшее движеніе радости въ „сердцѣ обитаетъ: тако аще и весь градъ

„сей исполняетъ нынѣшняя радость, однако „же на семъ мѣстѣ, яко въ сердцѣ градскомъ „множае изобилуетъ. Здѣсь убо пріими отъ „всѣхъ торжественное привѣтствіе желае„мый гостю, вина веселія нашего, всей Рос„сіи Царю и повелителю.“ Послѣ чего съ подобнымъ достоинствомъ сказаннаго толь великому Государю привѣтствія, описываетъ онъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его градъ и Церковь Кіевская! Какъ желали увидѣть того, котораго преславный родъ долго на семъ мѣстѣ сидѣлъ на престолѣ, котораго праотцы здѣсь погребены и чудотворными дѣяніями сіяютъ? Потомъ, какъ бы не довольствуясь прекраснѣйшимъ описаніемъ толь радостнаго ожиданія, отъ одной красоты мыслей обращается къ другой, и прерывая самого себя, съ удивительною силою говоритъ: „Правда то, яко ты, просвѣтлый „Монархо нашъ, и прежде произшествія „твоего присутствовалъ еси здѣсь, и всегда „обитаеши: обитаеши на судѣхъ правдою, „обитаеши въ Церквахъ поминаніемъ твоимъ, „обитаеши въ монастырѣхъ твоими мило-

„спиніями, обитаеши во всемъ градѣ держа-„вою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою, „во всѣхъ сердцахъ любовію.“ Сей прекрасный оборотъ мыслей сдѣлалъ онъ для того, дабы возвратясь опять къ прежнему предложенію своему, сказать, что сіе мысленное обитаніе и присутствіе возраждало еще большее въ нихъ желаніе увидѣть его и тѣлесными очами, увидѣть и возрадоваться. Какая (продолжаетъ онъ) по толикой жаждѣ сладость, когда мы того, котораго такъ долго ожидаемъ, искали, на послѣдокъ радостно обрѣтаемъ, видимъ, привѣтствуемъ!

Казалось бы довольно уже возвеличилъ онъ Петра, довольно присутствіе его изобразилъ вожделеннымъ; но нѣтъ! обширное воображеніе его придумало еще соединить въ лицѣ сего Монарха всѣхъ его предковъ и всѣ дѣла ихъ, дабы самыя тѣ мѣста, которыя удостоилъ онъ своимъ посѣщеніемъ, придали Особѣ его новое священство, новый блескъ и сіяніе. Онъ говоритъ ему:

„Въ Тебѣ отчичѣ и наслѣдникѣ мнится
„намъ видѣти вся владычествованія; въ Тебѣ
„отцы и праотцы твои. Колико Градъ сей
„радуется, хваляся предъ тобою ихъ память-
„ми, гробами и зданіями, то есть своимъ
„и твоимъ сокровищемъ, которое аки общее
„съ тобою имѣетъ Россія. Во истинну, пре-
„свѣтлый нашъ Монархо, горы сія аще бы
„глаголати возмогли, похвалилися бы предъ
„тобою древними вашими благочестія зна-
„меніями. Гдѣ бо здѣсь и ступити можеши,
„идеже бы не узрѣлъ еси родства твоего
„слѣдовъ! Мимо шелъ еси Церковь Богоро-
„дичну, десятиною прозываемую: то зданіе
„есть благочестиваго и великаго Князя ро-
„доначальника твоего Владимира и Святаго
„пѣлесе его сокровище. — Храмъ сей, въ
„немъ же стоиши, отъ Ярослава созданный
„есть, и его тѣло погребенное въ себѣ со-
„крываетъ. Пойдеши ли въ обитель, во Свя-
„тую и чудотворную Лавру Печерскую? Ту
„создалъ Великій Князь Святославъ. Пойде-
„ши ли въ Монастырь Выдубицкій? Той воз-
„двигнулъ Великій Князь Всеволодъ. Пойде-

„ши ли въ Церковь Святаго Михаила Ар-
„хангела? Ту воздвигъ Святополкъ, и неоцѣ-
„неннымъ сокровищемъ, тѣломъ мучениче-
„скимъ обогатилъ. Пойдеши ли въ домъ
„Троицкій Кириловскій? То зданіе Княжны
„Кіевской Королевы, Польской Маріи Всево-
„лодовны. Пойдеши ли на Вышградъ? Тутъ
„Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдеши во
„обитель Межигорскую, тутъ иждивеніе
„Великаго Князя Боголюбскаго. Что подроб-
„ну исчисляти дерзаю? Воззри на вся стра-
„ны Кіевскія: все то есть Царскаго рода
„твоего и преславныхъ его памятниковъ аки
„единая сосудовъ хранительница. Но не па-
„мять только и не самую кровь видитъ въ
„тебѣ Кіевъ помянутыхъ отецъ твоихъ;
„видитъ и познаваетъ въ тебѣ добродѣте-
„ли ихъ, и нравы, и обычаи. Видитъ побѣ-
„ды и ревность Владимирову. Той многія
„народы мечемъ плѣнилъ, и Россію Евангелі-
„емъ просвѣтилъ: ты многіи грады отече-
„скіи отъ ига Отѳоманскаго и отъ узъ
„Еретическихъ мечемъ освободилъ еси. Ви-
„дитъ любомудріе Ярославово. Той писанія

„Божественная и иныя многія книги отъ „языку Еллинскаго на Славенскій преведе: ты „Академію въ Царственномъ твоемъ градѣ, „воздвигль еси, и вездѣ людьми учительны„ми разширяти мудрость непрестаеши. Ви„дитъ въ тебѣ градъ нашъ Святославово „благочестіе. Той основаніе Церкви Печер„ской рукама своима не устыдился копати: „ктожъ своима очима и тебѣ въ подобныхъ „дѣлѣхъ не токмо безсрамно и съ радостію „трудившагося не видѣ? Видитъ и иныхъ „праотецъ многихъ, ихъ же не токмо кро„вію наслѣдникъ еси, но и любленіемъ Вѣры „истинныя и благолѣпія Церковнаго, аки не „иныя, но тѣ же добродѣтели въ тебѣ ожи„вилъ еси. Когда же воспомянемъ любовное „ваше и согласное царствованіе блаженныя „памяти со Іоанномъ братомъ твоимъ, не „видимъ ли въ тебѣ браголюбія Святыхъ „страстотерпцевъ Романа и Давида? Се „есть истинное наслѣдіе, яко доброму род„ству уподобляшися, яко видимъ во древесѣхъ „и цвѣтѣхъ избранныхъ, который не токмо „видомъ послѣдуютъ роду своему, но добро-

„плодіемъ; не токмо лицемъ, но и благолѣ-
„піемъ подобны суть.“ Напослѣдокъ, по ис-
численіи многихъ дѣлъ Петровыхъ, кото-
рыми вознесъ онъ высоко славу свою и бла-
годенствіе Россіи, въ заключеніе слова своего,
обращаясь къ сему великому слушателю, го-
воритъ онъ: „но что тебѣ принесемъ въ
„даръ толикихъ радостей, виновный гостю
„пресвѣтлый нашъ Монархо? Принесемъ все
„что, еже ивое есть. Приносимъ тебѣ, бого-
„спасаемый сей отеческій градъ твой и Цер-
„ковь, всѣхъ сердца къ любленію, всѣхъ гла-
„вы къ подчиненію, всѣхъ колѣна къ поклоне-
„нію, всѣхъ очеса, руцѣ и ноздѣ, къ потребѣ
„и службѣ твоей.... Пріими твоя отъ тво-
„ихъ.... Церковь Кіевская непрестанетъ о
„тебѣ возсылать моленія: да яко новаго се-
„го Сіона посѣтити не презрѣлъ еси, тако
„да благословитъ тя Господь отъ Сіона, да
„сотворитъ любима и пріятна всему оте-
„честву и людемъ твоимъ, страшна и не
„приступна врагомъ твоимъ, и на долгая
„времена въ жизни семъ побѣждающа и тор-
„жествующа да сохранитъ.“

Второе слово его было на Полтавскую побѣду. Онъ начинаетъ рѣчь свою привѣтствіемъ Петру Великому, яко побѣдителю. Говоритъ, что хотя толь знаменитое произшествіе не требуетъ похвальныхъ словъ: ибо само собою по всему свѣту гремитъ, и столько имѣетъ проповѣдниковъ, сколько людей, вѣсть сію услышавшихъ; однако (продолжаетъ) недолжно намъ, охраняемымъ оружіемъ твоимъ, пребывать въ безмолвіи, когда всѣ и чужеземные роды и страны велегласно о томъ вопіютъ. Что возбуждаемый толь непзреченною свыше дарованною радостію, хотя не можетъ онъ удержаться отъ прославленія сихъ его и воинства его великихъ подвиговъ; но чувствуетъ, что ежели бы имѣлъ онъ и тысячу устенъ и гортаней, то и тогда ни единая изъ нихъ не могла бы остаться праздною. Что когда Риторы приступаютъ къ похвалѣ чего нибудь, и хотятъ въ слушателяхъ произвесть удивленіе, то обыкновенно притворяются и говорятъ, будто возвѣщаемое ими превосходитъ всякую похвалу, и что не можно къ

изображенію того найти достаточныхъ словъ; но я (продолжаетъ онъ) не имѣю нужды въ семъ притворствѣ; ибо о сей предивной побѣдѣ всякъ, хотя бы и зависникъ намъ, засвидѣтельствуетъ, что оная есть дѣло во истинну не слыханное, дѣло преславное, котораго ни какой языкъ, ни какая быстрота витійственная изрещи не можетъ. Послѣ сего краснорѣчиваго приступа начинаетъ онъ превозносить силы и храбрость противника Петрова, Карла, о которомъ говоритъ, что дѣйствительно непріятель сей былъ таковъ, что быть отъ него не побѣжденну токмо, была бы уже великая слава, но что же побѣдить его, и побѣдить такъ преславно и такъ совершенно? Карлъ сей (продолжаетъ онъ) возгордясь могуществомъ своимъ и тѣмъ, что отъ многихъ другихъ народовъ почитался сильнымъ и славнымъ, возмнилъ презирать крѣпкія о Господѣ силы Россійскія. Здѣсь приличнымъ и величавымъ образомъ, описывая пространныя предѣлы Россіи, говоритъ онъ:

„Не безсиліемъ бо православное сіе Цар-
„ство толико разширися, яко вся Западная
„Государства противу величествія его суть,
„аки рѣки противу безмѣрнаго Океана, и уже
„прилично о немъ рещи оное Псаломское сло-
„во: *простре рогы его до моря, и даже до*
„*рѣкъ отрасли его.* Не безсиліемъ дивыя на-
„роды, Казанскія, Астраханскія, и Сибирскія
„царства, и иныя на Востокъ и Западъ, на
„Полдень и Сѣверъ лежащія многочисленныя
„грады и страны укроти, и державѣ своей
„подверже. Обыди кто, или паче облети
„умомъ, начавъ отъ рѣки нашей Днѣпра до
„береговъ Евксиновыхъ на полудне, оттуду
„на Востокъ до моря Каспійскаго или Хва-
„лынскаго, даже до предѣлъ Царства Пер-
„сидскаго, и оттуду до далечайшихъ предѣ-
„ловъ едва слухомъ къ намъ заходящаго цар-
„ства Китаехинскаго, и оттуду на глубо-
„кую полунощь до земли Новой, и до бре-
„говъ моря Ледовитаго, и оттуду на Западъ
„до моря Балтійскаго, до колѣ пани долгимъ
„земнымъ и воднымъ пропяженіемъ пріидеши

„къ помянутому Днѣпру: сія бо суть предѣ-
„лы Монарха нашего!“

Послѣ сего удивляется онъ, какъ непріятель могъ таковую державу презирать; но еще болѣе удивляется тому, что и самыя многократныя надъ нимъ побѣды гордости его не уменшали. Здѣсь находитъ случай упомянуть о всѣхъ сихъ побѣдахъ, отдавая справедливую похвалу войскамъ и предводителямъ оныхъ. По томъ продолжаетъ, что хотя событіе показало, что сія гордость непріятеля нашего была нѣкое ослѣпленіе, послужившее ему къ совершенной пагубѣ; однакожъ она придавала ему великую смѣлость, и что по справедливости не льзя отрицать того, чтобъ онъ не былъ весьма силенъ и храбръ; сверьхъ того знатнымъ богатствомъ въ Литвѣ, Польшѣ, Саксоніи, Силезіи, Курляндіи собраннымъ, сѝлы и способы свои чрезвычайно умножилъ; при томъ же хитростію и соблазнами успѣлъ многихъ людей ввесть въ заблужденіе и даже цѣлые города наши развратить; да и въ самой повѣ-

ренной отъ Петра Великаго особѣ Малороссійскомъ Гетманѣ Мазепѣ нашелъ предателя, открывшаго ему свободный путь въ нѣдра Россіи. Напоминаніе о сей измѣнѣ доставляетъ ему случай обратиться къ Петру Великому и сказать:

„Кто благоразсудный и православіе на„ше любящій не поболѣлъ о семъ? Что же „рещи о твоемъ сердцѣ, пресвѣтлѣйшій нашъ „Монархо, егда пріялъ вѣсть о нечаянномъ „семъ проклятаго и неблагодарнаго раба „отступствѣ? Вѣмы, яко сердце твое не ко„леблется страхомъ, не унываетъ въ зло„ключеніи, не боится военныхъ громовъ: ви„димъ бо тя нашихъ ради угодій вся угодія „отвергшаго, варъ и зной сносящаго, многія „и далекія пути подъемлющаго, и что не „дѣлающаго, кіихъ трудовъ отрицающагося? „О дабы тако вѣрно и трудолюбно служили „тебѣ Царю слуги и подданные твои, яко „же ты Царь сый слугамъ и подданнымъ „твоимъ служиши! Крѣпко убо и не движи„мо есть сердце твое, однако неуязвляемо

„сущи ни коимъ же бѣдствіемъ, люте, мню,
„уязвися неслыханнымъ симъ воспитаннаго
„и вознесеннаго тобою безсовѣстнаго раба
„неблагодарствіемъ: сія тебѣ въ брани сей,
„не иная нанесеся язва. Свирѣпая во истин-
„ну и лютая болѣзнь есть, аще кто, забывъ
„благодѣянія, ярымъ токмо на благодѣтеля
„окомъ воззритъ, чтожъ, аще ругатися, аще
„начнетъ наступати? Кто же сіе прокля-
„таго сего измѣнника не благодарствіе изре-
„щи возможетъ? За толикую любовь Мо-
„нарха своего, какой весь міръ удивлялся,
„толикую беззаконный показалъ вражду, ка-
„кой также весь міръ удивился. О кого сіе
„изступленіемъ не помрачитъ! Псы неугры-
„заютъ господъ своихъ, звѣри свирѣпые пи-
„тателей своихъ не вредятъ: лютѣйшій же
„всѣхъ звѣрей рабъ, пожелалъ угрысти ру-
„ку, ею же на толь высокое достоинство
„вознесенъ и на томъ крѣпко держимъ былъ.
„Дерзнулъ наступити на Царство того,
„отъ него же пріялъ область инѣмъ Цар-
„ствамъ равную. Не устрашился Хамова
„безстудія, не убоялся Іудина беззаконія, не

„вострепеталъ Аріева клятвопреступленія,
„не помыслилъ о священнѣйшей и не вреди-
„мой чести Христа Господня. Студъ и вредъ
„отечества нашего: лжетъ бо, сыномъ себя
„Россійскимъ нарицая, врагъ сей и ляхолю-
„бецъ! Хранися таковыхъ, о Россіе, и отвер-
„гай отъ лона твоего; аще ли ни, неот-
„статную уже претерпѣла бѣду: имаши все-
„гда носити змія въ нѣдрахъ твоихъ, и при-
„личествуетъ тебѣ гласъ Божій Іезекилю
„нѣкогда изреченный: *посредѣ скорлій живе-*
„*ши ты.* Таковыя убо скорби и смущенія,
„таковыя мятежи внутреннія со внутрь су-
„щимъ супостатомъ связавшіяся, кто ис-
„повѣсть, коликія труды и неудобства при-
„ложиша ко брани сей? Наипаче егда пле-
„вельными измѣнничими посланіями начаша
„смущатися нѣкіи грады, и прейдоша на
„страну супостатскую многочисленніи за-
„порожцы, и проявишася по многимъ мѣс-
„тамъ междоусобныя мятежи и нашествія,
„и ожидаху отъ Польши, и зваху отъ орды
„силъ помощныхъ: на коль многія здѣсь и
„различныя части нужно было раздѣляти

„воинство Россійское, ставити по крѣпо-
„стямъ градскимъ, посылати по всѣмъ пре-
„дѣламъ Царствія, посылати на укрощеніе
„мятежныхъ градовъ, на взысканіе бунтов-
„щиковъ и грабителей и убійцовъ, и внизъ
„Днѣпра до сѣчи, и въ предѣлы Польскіе на
„отраженіе спѣшащаго на помощь супоста-
„ту нашему втораго супостата незаконнаго
„Короля Польскаго. Умъ во истинну сму-
„щается, помышляя толикая неудобства:
„однако всѣмъ симъ и инымъ трудным дѣ-
„ламъ и нуждамъ совершенно удовлетворилъ
„еси премудрымъ твоимъ промысломъ и си-
„лою мужественнаго твоего воинства, пре-
„свѣтлѣйшій Монархо; и отсюду да позна-
„ютъ народы многомощную силу державы
„Россійскія: не много бо Государствъ обря-
„щеши, яже бы возмогли толикая неудоб-
„ства купно понести и испразднити.“

Теперь можемъ мы видѣть съ какимъ искуствомъ Ѳеофанъ приготовилъ слушателя, дабы дать почувствовать ему всю важность и славу Полтавской побѣды, которую

уподобляетъ онъ второй Пунической брани, и о которой говоритъ, что предъ нею всѣ прочія битвы могутъ почестться миромъ и тишиною. Въ какихъ щастливыхъ обстоятельствахъ представилъ онъ Карла, и въ какихъ затрудненіяхъ Петра! Доведя такимъ образомъ слово свое до сего по истинѣ удивительнаго сраженія, бросаетъ онъ убѣдительное краснорѣчіе свое, и взявъ Гомерову трубу возглашаетъ:

„Довольно было бы къ совершенной сла-
„вѣ твоей, когда бы ты толь сильнаго вра-
„га только съ поля согналъ. Но что видѣло
„нынѣ поле Полтавское? о поле благополуч-
„ное! о поле достойное побѣдительными
„знаменіями и торжественнымъ нѣкіимъ зда-
„ніемъ украшено быти, на вѣчную память
„толь преславной побѣды! Что видѣло ты
„какое зрѣлище на себѣ показало? Ужасно
„было видѣти возмущенный и Небесъ дося-
„зающій отъ праха и дыма военнаго облакъ!
„но еще ужаснѣе зрѣти безчисленныя повсю-
„ду летающія блистанія, и слышати непре-

„станныя страшныя громы! Казалось не
„на земли, но на небесахъ творится брань,
„и не оружіемъ, но молніями поражаютъ
„себя противные полки. Въ таковой тьмѣ
„и куреніи ясно на весь міръ блеснула слава
„Россійскихъ воиновъ, и по средѣ толикихъ
„бурныхъ волнъ непоколебалося мужествен-
„ное твое, Великій Монархъ, и воинства
„твоего сердце. Когда отъ нестерпимаго
„громогласія стенала земля, когда окрест-
„ныя страны страхомъ двигалися, когда шу-
„мѣли лѣса прогонямымъ отъ огня и грома
„воздухомъ, когда на громкія воинскія рыка-
„нія страшнымъ рыканіемъ отвѣчали горы,
„и смѣшенный съ прахомъ дымъ закрылъ
„лице солнца, такъ что одни токмо оруж-
„ные огни издавали свѣтъ: тогда не подвиг-
„лись храбрость и мужество твоего воин-
„ства; не испустило оно ни вопля ни гласа;
„внимало всѣхъ вождей своихъ повелѣніямъ и
„и мановеніямъ; не преступило ни малой
„черты ратнаго чина и закона; видѣло со-
„противъ безчисленныя идущія на себя смер-
„ти, не отвратило очей, неотступило

„всплять, но паче устремилось, и смерть „смертоносному нанесло супостату. Видѣло „себя среди такого огня, на который изда„лека зрящихъ оледенѣваютъ сердца; однако „еще сильнѣйшею воспламенилося ревностію „по Богѣ и Царѣ, по вѣрѣ и вѣрности, по „церкви и отечествѣ; ревностію, воспалив„шею въ немъ толикую дерзость, какой не „чаялъ увидѣть гордый врагъ, и не надѣялся „услышать весь міръ.“

По описаніи такимъ образомъ сей жестокой брани обращается къ Петру Великому и говоритъ:

„Что же речемъ о собственной твоей „храбрости, Великій Великихъ мужей вожде „и великихъ супостатовъ побѣдителю, Все„россійскій Монархо? Егда не слово только „твое и повелѣніе въ полки твоя на брань „препоясавшіяся посылалъ еси (еже единое „по Царственному чину довлѣяше), но со„вершая Царственное, купно совершилъ еси „и воинское дѣло, самъ высокимъ лицемъ

„твоимъ въ лице супостату противосталъ
„еси самъ на первыя мечи, и копія, и огнь
„устремился еси: страшный и славный по-
„зоръ! возрадовалась и купно вострепетала
„Россія, узрѣвши сіе: возрадовалася, видящи
„толикое мужество Царя своего, вострепе-
„тала же, единаго смертію вся умрети бо-
„ящися.“

Какое удивительное изображеніе трепе-
та Россіи, смотрящей на Царя своего въ
огнѣ и пламени! По семъ продолжаетъ онъ,
что Богъ сохранилъ его въ брани; что по-
среди тысячи смертей, ни смерть, ни язва
не приближилися къ нему, и прерывая само-
го себя говоритъ: „приближилася было (еже
„не безъ страха и трепета воспоминаемъ)
„приближилася было смерть лиая къ Богомъ
„вѣнчанной главѣ твоей, егда желѣзный же-
„лудь пройде сквозь шлемъ твой: но яко не
„вреди главы, ея же вредомъ вся бы повре-
„дилася Россія, отсюду явѣ есть, яко ты
„живеши въ помощи Вышняго. — Тотъ ввелъ
„тебя въ страшный бой, кто и ополчился

„съ тобою; тотъ подвигъ сердце твое имѣти „въ пламень военный, кто щитомъ своего „заступленія и оградилъ тебя.“ Потомъ сказавъ, что естьли бы Петръ не присутствовалъ въ сей брани, то побѣда не была бы толь совершенная, продолжаетъ:

„Нынѣ же что сотворися? да слышатъ „грады, и страны, и Царствія; да слышитъ „и удивляется весь міръ: многочисленное во„инство, многіи военачальники, и что боль„шее, вси главныи вожди и полководцы, сіе „есть вси столпы королевства Свѣйскаго „оружіемъ твоимъ сокрушенныи, твоему по„бѣдительному поклонишася Величеству, и „иже владѣти Россіею надѣяхуся, раби Рос„сійстіи сотворишася; прочіи же безчислен„ніи поклонишеся единою, не воспаша, и ни„когда невостануть. Кое се наше блажен„ство? Кое благополучіе? Напоиша землю „нашу врази кровію, иже пришли бяху пити „кровь ея; отяготиша трупіемъ своимъ, иже „мыслиху отяготити ю игомъ своимъ, по„вергоша себя подъ ноги намъ, иже на выя

„наша наступати готовляхуся. Что же рѣку
„о числѣ взятыхъ войсковыхъ знаменъ, ору-
„жій, запасовъ, корыстей, всего имѣнія, всѣхъ
„обозовъ? вся яже многимъ градóмъ и наро-
„домъ отьяша, дароваху Россіи: аки бы не
„иной ради вины пришли къ намъ, токмо
„умрети и воинство Россійское наслѣдники
„благъ своихъ завѣтомъ написати. Видѣхомъ
„поле Полтавское (прейдемъ прочее) аки го-
„няще въ слѣдъ избѣгшихъ оттуду супо-
„статовъ, и да видимъ, какъ и неплодные
„подъ переволочнымъ бреги, множество по-
„бѣдительнаго Ваія въ пескахъ своихъ изра-
„стиша. О неслыханной въ народѣхъ побѣ-
„ды! Множае шестинадесяти тысячь ору-
„жіе носящихъ супостатскихъ воевъ избѣже
„съ пола рапнаго, и трепетнымъ бѣгствомъ
„аки крилами отъ страха израстшими, ско-
„ро устремися ко брегомъ Днѣпровымъ, яко
„же сами помышляху, спасенія ради своего,
„а яко же вещію показася, не иной ради ви-
„ны, токмо, дабы не единою сотренны были,
„дабы не едино мѣсто и о нашей побѣдѣ и
„о ихъ побѣжденіи засвидѣтельспівовало.

Наконецъ, по описаніи достойнымъ и величественнымъ образомъ рѣшительной сей побѣды, и по исчисленіи народныхъ пользъ, отъ сего проистекшихъ, обращаетъ онъ рѣчь свою къ Петру Великому и говоритъ:

„Пій убо сіе свыше данное тебѣ вино „радости! услаждайся всенароднаго веселія „нектаромъ! отри побѣдительнымъ ваіемъ „поты твоя отъ вара военнаго источенныя! „красуйся и ликуй о мужественномъ твоемъ „воинствѣ! Се видиши въ немъ великій плодъ „установленнаго тобою рыцарскаго ученія. „Соиграйте и вы, о крѣпкіи столпы и ада„мантовы щиты отечества нашего и пра„вославія, премудріи военачальницы, и воини „непобѣдиміи! облетитъ всю подсолнечную „громогласная слава, гласящая вашу и Царя „вашего храбрость, и рекутъ чуждіи роди: „достоинъ Царь таковаго воинства, и воин„ство таковаго Царя.“ Въ заключеніе же, призывая на главу его помощь вышняго, возглашаетъ: „Не отступай и въ послѣдніе вѣр„наго твоего служителя православнаго Мо-

„нарха нашего, ополчаяся окрестъ его, и „укрѣпляя оружіе его, дондеже истребятся „вси жестоковыйніи и непослушливіи раби; „дондеже покорятся вси востающіи намъ „врази, дондеже вси языцы бранемъ хотя„щіи, крайнимъ ударении страхомъ, уших„нутъ и не рекутъ, гдѣ есть Богъ ихъ? но „купно съ нами прославятъ его.“

Другія, говоренныя имъ въ царствованіе Петра Великаго рѣчи суть: 1-я Менщикову. 2-я На рожденіе Царевича Петра Петровича. 3 я Въ день нареченія его наслѣдникомъ престола. 4-я На воспоминаніе Полтавской побѣды. 5-я Петру Великому отъ имени всего народа, при возвращеніи его изъ чужихъ краевъ. Всѣ сіи слова показываютъ въ Ѳеофанѣ ученаго, остроумнаго, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника дѣлъ Петровыхъ. Мы могли бы многія отличныя мѣста показать изъ оныхъ, но поспѣшимъ привесть еще одну краткую рѣчь его, которая, какъ по обстоятельствамъ, такъ и по составу своему, достойна особливаго внима-

нія. Петръ Великій по долгомъ отсутствіи возвращается изъ путешествія своего по чужимъ странамъ въ Царствующій градъ свой Санктпетербургъ, вступаетъ въ чертоги свои, въ домъ свой. Сынъ его Петръ Петровичъ былъ тогда двулѣтній младенецъ. Какая встрѣча отцу: Ѳеофанъ, держа на рукахъ сего младенца, говоритъ, какъ бы его устами, привѣтственную рѣчь Великому своему родителю! Рѣчь необычайная, удивительная, въ которой онъ, какъ бы сливъ себя съ малолѣтнимъ Петромъ, отраслемъ Великаго Петра, показалъ искуснѣйшимъ и новымъ образомъ въ младенцѣ оратора, и въ ораторѣ младенца. Онъ говоритъ его устами:

„Срѣтая Величество твое, пресвѣтлѣй-
„шій родителю, жалуюся на натуру мою,
„яко не поспѣшившую устроити мнѣ органы
„мѣлесныя, ими же бых возгласилъ тебѣ
„душевное усердіе. Играетъ сыновняя лю-
„бовь на приходъ Отеческій, но радость
„орудія своего не имѣетъ, есть въ сердцѣ
„избытокъ, но не глаголютъ уста. О ску-

„дости твоея возрасте мой! Како не дово-
„лень еси къ толикому веселію во время все-
„народнаго къ Царю своему привѣтствія?
„Первый азъ въ желаніи, послѣдній въ словѣ
„обрѣтаюся. Но не противно буди тебѣ,
„превожделѣнный гостю, яко чуждаго заим-
„ствую гласа, чій либо языкъ есть, но мой
„истый духъ, мое искреннее сердце привѣт-
„ствуетъ тебе. Къ чему бо желалъ быхъ
„моея собственныя рѣчи, развѣ бы должае не
„видѣти лица твоего. И такъ, мнится ми,
„большее пребыхъ время въ разлученіи съ
„тобою, нежели въ жизни моемъ; изшедъ бо
„отъ утробы матернія, едва мало что на
„порфировомъ лонѣ твоемъ покоихся, ощу-
„тихъ себе лишенна толикаго блаженства:
„сі есть проникшу цвѣту удалися солнце, и
„по краткой весни найде зима долгая. Два-
„жды видѣхъ лѣтнюю на земли и воздусѣ
„премѣну, а мнѣ непремѣнное было стучи-
„тельное время. Въ Палатѣ гласилася точію
„тишла Царская, въ дому точію имя роди-
„тельское, самого же Царя и родителя ви-
„дѣти далекихъ странъ щастіе было. Но

„таковыя нужды нашея вина есть, общее „всего государства добро. Сіе тебѣ велитъ „не радѣти о тебѣ, сіе тебя понуждаетъ „оставляти насъ. Добрѣ се, и тако подо„баетъ. Согласуетъ въ семъ тебѣ и мое „сердце, яко своему кореню отрасль, еди„нымъ и тѣмъжде духомъ движимое, и уже „поощряетъ вскочити въ слѣды твоя, аще „бы немощь возраста не воспящала. Но „благо пришелъ еси, долго мнѣ, долго всему „отечеству ожиданный отче. Ибо, которая „вина отъемлетъ тебя отъ насъ, тая же и „возвращаетъ, едина всенародная польза. И „собственную мою приходомъ твоимъ обрѣ„таю корысть. Къ самымъ бо стопамъ тво„имъ припадая, ощущаю въ себѣ растѣніе „духа, кольми паче на лоно родительское „возносимый. Здѣсь отъ умиленныхъ лобза„ній твоихъ пію любовь къ роду нашему „толикую, яко и имя Россійское сладко мнѣ; „тѣсными же обьятіями связуемый слышу „въ себѣ распространяющееся сердце, и рев„нительный нѣкій жаръ сквозь всего мене „проходящій: не толи воинный глаголемый

„огнь, которымъ славятъ тебе быти стра-
„шна врагомъ отечества нашего? Благосло-
„венъ Господь Богъ мой сподобивый мене
„толикаго родителя. О дабы скоро прете-
„тѣли отроческія лѣта мои! еже бы возмо-
„щи мнѣ за тобою и съ тобою пѣщи путь
„твой, родителю державнѣйшій! лобызаю
„нынѣ скипетръ твой, яко вѣрный подданный,
„паче же хотѣлъ бых прославити его служ-
„бою моею. Но понеже прекланяеши мнѣ
„оный и въ наслѣдное пріятіе, обручаю его
„перстнемъ, сі есть узомъ сердечнымъ обье-
„млю. Но въ твоихъ еще рукахъ держи сей
„Всероссійскій Монархо! держи сей побѣди-
„тельною десницею, дондеже и моя подра-
„жаніемъ дѣлъ твоихъ сильна и крѣпка къ
„державѣ явится, дондеже малаго Петра
„твоего покажетъ Богъ достойна вторымъ
„по тебѣ нарещися Петромъ: тебя же позд-
„нѣйшимъ преклоненна вѣкомъ, позоветъ къ
„лучшему наслѣдію Царь славы Христосъ.“

Въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны говорилъ онъ также многія рѣчи,

изъ которыхъ въ краткомъ словѣ на Коронацію исчисляетъ различныя печали, какія она въ жизнь свою претерпѣла: „Но нынѣ „(говоритъ) уподобилъ тебѣ Богъ не именемъ „токмо, но и дѣломъ, тезоименитой Твоей „Святой Аннѣ пророчицѣ; можетъ бо много„бѣдное вдовство твое сравнитьсѧ вдов„ственному ея многолѣтію, и какъ со оною, „пакъ и съ тобою былъ милостивый Гос„подь, въ скорбѣхъ сохраняя вамъ благодать „свою по имени вашему: оную сподобилъ „дождатися видѣти пришествіе во плоти „Христа своего; тебѣ же благоволилъ и ра„доватися во Христѣ, и Христовой типлы „(о чемъ нынѣ радуемся) получити участіе. „Благоизволилъ первѣе носити тебѣ сиро„тинное и вдовичее вретище, а потомъ во „славу сію облещися. — Уповай на Господа, „и яко гора Сіонъ не подвижишися, возложивъ „на того, имъ же Царствіе Царствуютъ, и „утвердитъ Царство твое нерушимо.“

На другой годъ, въ тотъ же день Коронаціи, говорилъ онъ второе слово свое,

которое въ отрывкахъ токмо сохранилося. Въ немъ весьма краснорѣчиво распространяется о необходимости верховной власти, исчисляя и представляя живыми изображеніями, сколь человѣческія страсти не обузданны, и что безъ предержащихъ властей, силою всего народа, паче же отъ Бога, вооруженныхъ для охраненія общества отъ внѣшнихъ враговъ и внутренныхъ злодѣевъ, давно бы земля была пуста и родъ человѣческій истребился. Наконецъ обращаясь Монархинѣ говоритъ: „ты приняла престолъ: „обрадовался утѣсненный; устрашились чуж„дые, вострепетали домашніе враги. Ты „украсила главу свою Императорскою Ко„роною: возвеслись главы смиренныхъ, гор„дые же уронили роги свои.“

Третью краткую поздравительную рѣчь говорилъ онъ на пріѣздъ Императрицы въ Новгородъ. Здѣсь также разсыпаны вездѣ цвѣты краснорѣчія. Въ заключеніе же сказано сіе прекрасное желаніе: „когда мы при„вѣтствуемъ тебя, не такъ тебя какъ са-

„михъ себя поздравляемъ. Тебѣ же толикаго „празднованія нашего виновницѣ должны же„лати, и желаемъ отъ всещедраго Бога на„шего всѣхъ требуемыхъ тобою благъ воз„даянія, да тако премудростію своею у„строитъ сердца подданныхъ твоихъ, чтобъ „тебя не отъ страха, но отъ любви сынов„ней почитали, и чтобъ не на силу твою, „но на свою совѣсть взирая, и не твоего, „но Божія гнѣва опасаясь, повиновались „тебѣ. “

Въ четвертомъ словѣ своемъ на воспоминаніе Коронаціи, сильными доводами собственныхъ разсужденій своихъ, подкрѣпленныхъ приводимыми изъ Священнаго Писанія словами, доказываетъ онъ обязанность повиновенія и вѣрности подданнаго, яко члена Отечества, къ главѣ онаго Царю своему. Выводитъ, въ чемъ состоитъ прямой долгъ сына Отечества, и говоритъ, что хотя окружающіе престолъ льстецы и лицемѣры, жертвуя общее благо корысти своей, могутъ иногда притворствами и угожденіями своими

укрыться отъ гнѣва обманутаго ими Государя, но не укроются отъ гнѣва Божія. Сказавъ сіе восклицаетъ: „коль страшно впа„сти въ руце Бога живаго! о естьли бы сіе „всякъ подданный воспоминалъ! о естьли бы „неиспускали сего изъ мысли своей и малые „и великіе, и вышніе и нижніе, и мирскіе и „духовные, коль благословенное въ Отече„спвѣ было бы состояніе, и Государи дале„че вящшее имѣли бы себѣ безопасіе отъ „сего единаго, нежели отъ многаго храни„тельнаго оружія!“

Въ пятомъ словѣ своемъ на воспоминаніе о возшествіи на престолъ разсуждаетъ онъ о томъ, что власть земная происходитъ отъ Бога. Доказываетъ сіе Божественными писаніями и многими историческими примѣрами, наипаче же примѣромъ самой Императрицы, выводя, что въ возведеніи ея на престолъ явно оказалась воля Божія. Здѣсь, приведя изъ Евангелія приличные сему слова: *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже хощетъ, даетъ его*, при-

совокупляетъ онъ къ тому сіе громкое, убѣдительное восклицаніе: „О свидѣтельсшво „твердое, сильное, ненарушимое! кто бо сіе „глаголетъ? глаголетъ неложный, и которо„му не возможно солгати; глаголетъ вся „премудростію творящій; глаголетъ носяй „всяческая глаголомъ силы своея; глаголетъ „той, который вся словеса своя сильнымъ „симъ изреченіемъ запечатлѣлъ намъ: *небо и „земля мимо идетъ, словеса же моя не ми„мо идутъ.*“

Наконецъ шестое слово свое, сильное, достопамятное, и по щастію въ цѣлости сохранившееся, говорилъ онъ въ 1734 году, также на Коронацію. Въ семъ словѣ разсматриваетъ онъ разные образы правленія, исчисляетъ сопряженныя съ каждымъ неудобства, и многими историческими примѣрами доказываетъ преимущество самодержавія, а особливо въ странахъ обширныхъ и многими народами населенныхъ. Больше же доказываетъ сіе Россійскою Исторіею, говоря, что Рюрикъ былъ Самодержавный Государь, и

что отъ него даже до кончины правнука его Святаго Владимира Россія была Монархія, или Самодержавіе, въ чемъ согласны всѣ лѣтописцы. „Что же? (продолжаетъ) каково „было состояніе, какова сила Россійская? „Славна Россія была и страшна не только „близкимъ сосѣдямъ, но и дальнимъ государ„ствамъ, не токмо держава ея до Дуная про„стиралась, но и за Дунай перешла, а ору„жіе Руское проницало даже до Константи„нополя, не только по землѣ, но и по морю „Черному. О чемъ разныя о тогдашнихъ на„шихъ успѣхахъ въ бытописаніяхъ имѣемъ „свидѣтельства, но за краткостію времени „привесть оныя здѣсь не можемъ. Потомъ „превеликое государство сіе разсѣклось на „разныя многія Княженія, а со временемъ и „на множайшія, и потому малыя. Хотя же „и были тѣ яко бы Монархіи, званія сего „впрочемъ недостойныя; но тѣло всея Рос„сіи приняло на себя видъ Аристократіи: „ибо хотя великій Владимиръ при своемъ „во вѣчная отшествіи, раздѣляя Государство „сынамъ своимъ, заповѣдалъ имъ быти за

„одно, да не то сдѣлалось: раздѣленные Кня-
„зи удѣлами владѣнія, раздѣлились и любовію.
„Скоро общая сила стала уменьшаться. Рос-
„сія обратила мечь свой не столько на ино-
„странныхъ супостатовъ, сколько на свою
„утробу. О Боже, какъ печальная и ужасная
„болѣзнь удручала народъ сей! Возми кто
„какую нибудь Рускую лѣтопись, и хотя не-
„радиво перебирая по листамъ, ни чего боль-
„ше не увидишь какъ междоусобныя по всю-
„ду кровопролитія, раззоренія и сожженія
„городовъ, людей побѣги и всякія бѣдства.
„Ничего больше не усмотришь, только убій-
„ственныя повѣсти: того лѣта Князь Ря-
„занскій ходилъ на Князя Смоленскаго: ино-
„го лѣта Князь Черниговскій ходилъ на Кня-
„зя Переяславскаго: тожъ и о Тверскихъ,
„Суздальскихъ, Ростовскихъ, Брянскихъ, По-
„лоцкихъ Князьяхъ, и о самыхъ Кіевскихъ, а
„попомъ Московскихъ, и о другихъ боль-
„шихъ и меньшихъ. Мало гдѣ такой годъ
„выберется, въ которомъ бы не было тако-
„выхъ походовъ разорительныхъ. Часто най-
„дешъ написано: *и бѣ сѣча зла.* Дивно во ис-

„тинну, аки бы сильнымъ нѣкіимъ чародѣя-
„ніемъ возбуждены были владѣтели другъ на
„друга нападати, то одно ихъ почитай и
„дѣло, такъ легко воевать на однородныхъ,
„какъ бы на охоту ѣздить. Хорошее ли то
„было состояніе? Совершенное ли то здра-
„віе? не жестокая ли паче скорбь и немощь?
„Всюду скудость и при ней грубость наста-
„ла; нѣтъ мѣста ученіямъ, какъ философ-
„скимъ такъ и Богословскимъ; нѣтъ мѣста
„честнымъ художествамъ. — Но то еще не
„крайнее зло, не конецъ уже болѣзнямъ. До-
„ждалась того Россія, что на выю ея, на
„храбрый нѣкогда и побѣдительный народъ
„Славенскій, имени своего достойный, нале-
„гло мерзкое купно и тяжкое иго Татарское.
„О многобѣдное Отечество! гдѣ твои прež-
„нія величія и велелѣпія? гдѣ громкія движе-
„нія? гдѣ доблести твои побѣдоносныя? Усо-
„мнился весь міръ, какъ толь великое и храб-
„рое многонародіе, попустило себя попрать
„варварамъ, аки бы мертвое и крѣпкимъ
„сномъ уснувшее! да нельзя было не такъ:
„какъ могло тѣло хотя и великое, но на

„части разсѣченное, противустояти, хотя „бы и гораздо меньшему себя супостату? „что же тогда воспослѣдовало? О крайнее „бѣдствіе! О какъ сердце трепещетъ воспо- „минати и возобновляти неописанную го- „ресть, и аки бы раздирати рану, которая „давно уже, слава Богу, зажила! того ради „скоро, и аки бы устремленнымъ бѣгомъ ко- „снемся только нѣкіихъ, а не всѣхъ злоклю- „ченій: описанія и оклады варварскія; изну- „реніе имѣній не на охраненіе наше, но на „влящшее врагамъ порабощеніе; многіе въ пе- „пелъ обращенные городы, всѣхъ Князей „студныя раболѣпствія, ихъ же многихъ узы „и темницы, и казни смертныя и частыя „многолюдныхъ жителей посѣченія. Умножа- „ли и сами наши Татарскую ярость, и свою „погибель, то бездѣльными смутами, то „разсѣваемыми другъ на друга и братъ на „брата клеветами; но кто изочтетъ бѣды? „Одной только еще забыть не надлежитъ: „принуждены были великіе Князи Москов- „скіе на деньгахъ своихъ Арапскими письме- „нами выбивать символъ Магометанскій:

„*Богъ единъ есть Богъ, и Магометъ Апо-*
„*столъ Божій*, какъ изъ находящихся денегъ
„погдашнихъ явно и ясно. Чегожъ еще злѣй-
„шаго ожидати было, кромѣ того, что со-
„временемъ потеряти и вѣру Христіанскую?
„часто же мнѣ приходитъ удивленіе, для
„чего Цари Татарскіе не отняли намъ ору-
„жія, какъ обычно дѣлается съ плѣнными на-
„родами? Чуть ли, думаю, не для того, что
„они, видя и порабощенныхъ собѣ Князей
„Русскихъ непрестанно другъ на друга напа-
„дающихъ, нарочно оружія имъ не отнимали,
„чтобъ имѣли они чемъ себя самихъ между-
„усобно разоряти, а потомъ и въ конецъ
„истребити.

„Но не по о народѣ нашемъ промы-
„шлялъ милостивый Богъ, чего хотѣли лю-
„тые Божіи и наши враги; когда всему міру
„казалось, что кончится Россія, тогда воз-
„двигла ее десница Вышняго; воздвигла отъ
„престарѣлой дряхлости въ бодрую юность,
„отъ крайняго изнеможенія въ силу, отъ
„гнуснаго бесчестія въ славу. Но какъ то

„совершилъ дивный въ судьбахъ Господь? Не „употребилъ преестественнаго нѣкоего дѣй- „ствія, непотопилъ мучителей нашихъ въ „водѣ, яко же Фараона, не разорилъ ихъ крѣ- „постни нѣкіимъ гласомъ трубнымъ, яко же „Іерихонскую, не умертвилъ полчища ихъ „невидимою рукою Ангельскою, яко же Сен- „нахеримовы: дѣло естественное премудрымъ „образомъ произвелъ: оставилъ то, чемъ мы „было погибли, и возвратилъ то, чемъ мы „прежде были крѣпки и сильны: упразднилъ „многоначаліе, а велѣлъ быть самодержавію, „и все иное пошло. Варвары, оные ругатели „наши, посрамлены отъ насъ и покорены „намъ, хищники наши стали наши данники, „и которые на выяхъ нашихъ сидѣли, подъ „нози упали намъ. И хотя дивное было дѣло „Божіе во обновленіи Монархіи Россійской, „но не дивны таковые плоды ея. Сей прави- „тельства образъ, а не иной твердыхъ насъ „дѣлаетъ; сей насъ, яко стрѣлы особь не „трудно преломляемыя, во единъ пукъ свя- „зуетъ, и сокрушенія боятся намъ не ве- „липъ; сіе владѣніе, а не иное сдѣлало съ Та-

„тарскимъ надъ нами владѣніемъ то, что „Псаломникъ о звѣряхъ дубровныхъ поетъ, „которые въ нощи корму себѣ ищутъ а ко„гда солнце возсіяетъ, ложатся въ ложахъ „своихъ. По кончинѣ Владимира Великаго, „аки бы по захожденіи солнца, ночь темная „и долгая была въ Россіи. И не дивно, что „свирѣпые звѣри напали и жирную себѣ взы„скали было пищу, имѣніе и тѣло ея угры„зая. Возсіялъ же паки, яко солнце, Скипетръ „Самодержавія, и дивые оные скимны легли „въ ложахъ своихъ. Въ какихъ ложахъ легли? „Первые Россійскимъ поражены оружіемъ, „легли въ ровъ смертномъ, а другіе во удоліи „подданства лежатъ. Тако Россія монарше„скою рукою, а не многими разслабленными „руками, не только свергла съ себя иго вра„жіе, но и свое ярмо на выю враговъ своихъ „надѣла. Да одно ли только сіе благополу„чіе? Когда Россія многобѣдная на разныя „части разсѣчена была, тогда Россіи сы„скати въ Россіи было трудно, а когда чле„ны своя союзомъ единовластія во едино паки „Государство собрала, и аки бы сраслась во

„едино тѣло, тогда не только вышеупомя-
„нутыхъ пиратовъ своихъ подъ свои ноги
„подвергла, но сверьхъ того превеликія и
„дальнія Царства и Княженія приняла подъ
„крилѣ свои.“

По изображеніи такимъ образомъ велика-
го съ Россіею приключенія, продолжаетъ
онъ приводитъ разныя свидѣтельства, въ
какое уваженіе пришла опять Россія у чу-
жестранныхъ народовъ. По томъ говоритъ,
что по истребленіи Растриги и при избра-
ніи на Царство Шуйскаго, нѣкоторые вель-
можи по слѣпотѣ гордости и властолюбія
склонили его вошедъ въ церковь отрещися
отъ единовластія, и хотя народъ громкими
голосами возопилъ: *не хощемъ сего, не быти
у насъ добру*, а потомъ въ другой и въ тре-
тій разъ: *не клянись на такое дѣло, лучше
и не царствовати*; однако Шуйской, опасаясь
избирателей своихъ, утвердилъ намѣреніе
свое присягою. Тогда (продолжаетъ) вто-
рично впоргнулось въ Россію многоначаліе,
низвергшее паки ее въ безчисленныя бѣд-

ствія; тогда непріятельская сила, на подобіе движимаго бурею пожара, по всюду скоро разпространилась, и всѣ предѣлы Россійскія охватила. На конецъ по возобновленіи Самодержавія со временъ Царя Михайла Ѳеодоровича, подробнымъ исчисленіемъ произшедшихъ въ Россіи перемѣнъ, представляетъ ее на высотѣ славы.

Въ торжественномъ словѣ на взятіе города Гданска не одинъ въ Ѳеофанѣ видѣнъ краснорѣчивый, но купно и Государственный человѣкъ, проницавшій въ самыя тайныя тогдашнихъ дворовъ намѣренія и связи. По описаніи злыхъ на Россію непріятельскихъ хитростей и умысловъ, отъ которыхъ (продолжаетъ онъ) „Естьли бы не крайнее раз„зореніе, то однакожъ такое неспокойное „пребываніе намъ послѣдовало, что бы мы „принуждены были ни о чемъ иномъ не по„мышлять, какъ только о томъ, какъ бы „со дня на день жизнь свою охранять и „оборонятьсѧ, подобно тому, когда Израиль„тяне, созидая, по возвращеніи изъ плѣна

„Вавилонскаго, Іерусалимъ, одною рукою „строили стѣну, а другою мечь держали.“ По описаніи, говорю, сихъ умысловъ, разрушенныхъ взятіемъ города Гданска, восклицаетъ онъ: „да познаютъ отселѣ враги на„ши, что мечь Рускій не притупился; да „научатся, какое небезбѣдное дѣло льва спя„щаго будить; какая вредная гордость миро„любную дружбу нашу вмѣнять намъ въ не„мощь и ослабленіе; да будутъ извѣстны, „что Россія имѣетъ въ оружіи силу, въ со„вѣтахъ мудрость, въ потребномъ довольство, и ко великимъ дѣйствіямъ бодрую жи„вость.“

Слово говореное имъ въ 1735 году на освященіе въ Зимнемъ Дворцѣ новосозданной Церкви, исполнено также многими красотами и сильнымъ нравоученіемъ: „Достохваль„ное дѣло совершила ты (говоритъ онъ Им„ператрицѣ), что въ толь великолѣпномъ „дому твоемъ, толь прекрасный домъ Божій, „и домъ молитвы построити благоволила.— „Чудное зрѣлище благочестія, свѣтлое зна-

„меніе боголюбія твоего, ясное лице владѣ-
„тельнаго духа, купноже и дивное украше-
„ніе, не токмо высокопрестольной палаты
„сея, но и всего царствующаго града, и все-
„го отечества нашего. Но не требуетъ
„зданіе сіе похвалы нашея, какъ не требуетъ
„солнце указанія, само собою хвалимое, и
„единаго токмо зрѣнія требующее.“ Въ семъ
словѣ, между прочими поученіями, весьма
остроумно исполковалъ онъ нѣкоторые стихи
Давидовы, такожъ и обыкновенное въ
Церквахъ предъ выносомъ Евангелія взываніе
къ предстоящимъ: *прему прости прости услы-
шимъ*. „Слово *прости* (говоритъ онъ) зна-
„читъ *прямо*, и относится къ древнему
„обычаю, чтобъ сѣдящія востали; а намъ
„нынѣ внушаетъ мысль, дабы и стоящимъ
„намъ не сидѣлъ и не лежалъ въ унынiи духъ
„нашъ.“

Сверьхъ упомянутыхъ здѣсь торжествен-
ныхъ словъ находимъ мы еще въ сочиненіяхъ
его осмнадцать проповѣдей, исполненныхъ
подобной же силы и краснорѣчія, какое ви-

дѣли мы въ краткихъ приведенныхъ нами примѣрахъ. Богатство ихъ неистощимо; но пространнѣйшее показаніе оныхъ вывело бы насъ изъ предѣловъ нашего чтенія; для того сокращая разсужденія о томъ наши, надѣемся, что хотя немогли мы въ полной мѣрѣ удовлетворить любопытству почтенныхъ посѣтителей: ибо изъ малаго и скораго обозрѣнія нѣкоторыхъ отдѣленныхъ частей не возможно дать ясное и совершенное понятіе о красотѣ и великолѣпіи всего зданія; однакоже сіи краткія и можетъ быть не съ такимъ какъ должно искусствомъ принаровленныя мною показанія довольно уже свидѣтельствуютъ, какова имѣемъ мы въ Ѳеофанѣ великаго проповѣдника, и что любители словесности, читая его, могутъ находить въ немъ то, что Греки находили въ Златоустахъ своихъ и Димосѳенахъ, а Римляне въ Цицеронахъ.

А. Шишковъ.

КЪ МОЕМУ ГЕНІЮ.

Мой Геній благотворной!
Вокругъ меня летай,
Тебѣ любовью сродной
Храни и осеняй;
Стреги мою ты душу
Отъ пагубныхъ заразъ:
Я совѣсть коль нарушу,
Дай слышать мнѣ твой гласъ.
Коль завистью, отмщеньемъ
Вспылаетъ кровь когда,
Ты тихимъ дуновеньемъ
Гаси мой огнь тогда.
А гордости уставы
Смиреніемъ рази.
Лучи блестящей славы
Отъ сердца отрази.
Учи меня сражаться
Съ мірскою суетой;
Страстямъ сопротивляться
Учи разсудокъ мой.
Ты въ горести, въ напасти
Мнѣ силы подавай,

И въ самой люшой часши
Роптать не допускай.
Учи повиновенью,
Терпѣнію учи,
И сердца къ просвѣщенью
Дай свѣта зрѣть лучи.
Не дай мнѣ усумниться
Въ безсмертіи моемъ,
Небеснымъ воспламениться
Учи меня огнемъ, ———
И путь мнѣ въ жизнь нетлѣнну
Чрезъ истинну кажи,
Меня изнеможенну
Ты въ духѣ поддержи.
Бороться со страстями
Есть жребій въ жизни мой.
Меня любви крылами
Мой Геній ты покрой! —

Княжна Катерина Урусова.

БАСНИ.

I.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то поваръ грамотей
Съ поварни побѣжалъ своей!
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ)
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же возвратясь онъ видитъ? на полу
Объѣдки пирога — а васька котъ въ углу
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ
Мурлыча и ворча прудится надъ курченкомъ —
Ахъ ты обжора! ахъ злодей!
Тутъ Ваську поваръ укорлетъ.
Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей—
(А васька все таки курченка убираетъ.)
Какъ бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ—
Бывало за примѣръ тебя смиренства кажутъ.
А ты! — ахти какой позоръ! —
Теперь всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ васька плутъ! котъ васька воръ
И ваську-де не только что въ поварню
Пускать не надо и на дворъ.

Какъ волка жаднаго въ овчарню.
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ—
(А васька слушаетъ да ѣстъ) —
И уже риторъ мой давъ волю словъ теченью
Не находилъ конца нравоученью —
Но что жъ? пока его онъ пѣлъ —
Котъ васька все жаркое съѣлъ.
А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ намъ рѣчей не тратить по пустому
Гдѣ нужно власть употребить.

II.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгоши
Нашорговали денегъ гору,
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору? —
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ;
Какъ вдругъ кричатъ что въ домѣ ихъ пожаръ.
Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!
Кричитъ одинъ изъ нихъ — ступайте!
А нашъ раздѣлъ и послѣ мы сведемъ.
Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,
Шумитъ другой!
Я съ мѣста не сойду долой —
Мнѣ двѣ не додано — а вотъ тутъ щепы ясны,
Еще одинъ кричитъ — нѣтъ, нѣтъ мы не согласны
Да какъ, когда, и почему? —
Забывши что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,

Что захватило их въ дыму
И всѣ они-со всемъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которые гораздо поважнѣй,
Не рѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что, чемъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

Иванъ Крыловъ.

ИЗВѢСТІЕ

О НОВЫХЪ ПРИСЫЛАЕМЫХЪ ВЪ БЕСѢДУ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Первый долгъ бесѣды есть пещися о пользѣ словесности. Для того положила она себѣ правиломъ, позволять упражняющимся въ словесныхъ наукахъ читать сочиненія свои предъ почтенными посѣтителями, наблюдая, сколько возможно, чтобъ оныя достойны были ихъ вниманія. Но превосходныя творенія рѣдки: цѣлые вѣки протекаютъ иногда безъ появленія оныхъ. При томъ же созрѣвшій талантъ не столько требуетъ ободренія, сколько вновь раждающійся и возникающій; ибо даръ краснорѣчія не вдругъ появляется, но сперва смѣшенный съ недостатками начинаетъ изрѣдка блистать, доколѣ со временемъ придетъ въ силу и потечетъ равнымъ и высокимъ духомъ, какъ Нева, чистотою водъ и величавымъ шествіемъ своимъ предъ многими рѣками красная. По сей

причинѣ бесѣда не можетъ и не должна въ избираніи чтеній своихъ поступать съ чрезмѣрною строгостію; ибо въ такомъ случаѣ сдѣлалась бы она сама судіею писателей, не допуская ихъ слышать о себѣ судъ многочисленнаго, просвѣщеннаго и безпристрастнаго собранія. А въ семъ-то самомъ и состоитъ главная польза, поелику степень удовольствія, возбуждаемаго въ слушателяхъ, служитъ или великимъ ободреніемъ, или поучительнымъ наставленіемъ тому, кто предстаетъ предъ нихъ съ своимъ произведеніемъ. И такъ чтеніе предъ посѣтителями, раждая въ писателяхъ ревность, приноситъ существенную пользу словесности. Но бываютъ такія сочиненія, которыя хотя и весьма достойны вниманія почтенныхъ слушателей, однакожъ оныя, по причинѣ величины своей, или по инымъ обстоятельствамъ, не могутъ быть прочтены въ собраніи. О таковыхъ сочиненіяхъ, дабы не прейти о нихъ молчаніемъ, и не лишить слушателей удовольствія, писателей же лестнаго для нихъ ободренія, полагаемъ мы за нужное извѣщать почтенное собраніе краткими изъ нихъ выписками. Нынѣ имѣемъ мы два таковыхъ сочиненій присланныхъ въ бесѣду. Первое подъ названіемъ: *Опытъ учебнаго преднаертанія Россійскому Юношеству*

Греческаго языка. Сочинитель онаго весьма справедливо разсуждаетъ, что для процвѣтанія и разпространенія словесныхъ наукъ въ Россіи, Греческой языкъ, толь сродный съ Славенскимъ, и который былъ свѣтиломъ просвѣщенія всѣхъ народовъ, долженъ быть первѣйшимъ основаніемъ нашей учености, — Но дадимъ ему самому сказать свои мысли. Онъ говоритъ:

„Благотворная заря наукъ, словесности и „многоразличныхъ златою цѣпію сопряженныхъ „между собою познаній, уже возстаетъ и раз„стилается по Сѣверному Отечественному не„босклону. Россія, пожертвовавшая своимъ бла„годенствіемъ для огражденія Европы отъ опу„стошительной мощи звѣрскихъ Мунгальскихъ „племенъ, возникаетъ снова изъ моря забвенія, „и шагами исполинскими тщится настигнуть „успѣхи прочихъ народовъ, спасенныхъ ею отъ „варварства. Бывъ до селѣ со стороны Азіи „оплотомъ Европы, становится нынѣ лучезар„нымъ ея свѣтиломъ, и благородные Славяне, „древлѣ владѣвшіе мечемъ и плугомъ, трезуб„цемъ и вѣсами, отнынѣ и въ обширномъ рас„тилищѣ наукъ оставятъ по себѣ потомству „слѣды незабвенные. Получивъ вѣру, первыя сѣ„мена просвѣщенія, и склонность къ изящному

„отъ упадающаго тогда Греческаго народа, они „нѣкоторымъ образомъ обязаны присвоить себѣ „ихъ славу, воскресить просвѣтителей своихъ „имена, и на истощенномъ пнѣ древней Эллады „привить юныя, зеленѣющія вѣтьви для осѣне„нія предбудущихъ столѣтій. Уже открывает„ся намъ вдали величественная цѣль, къ кото„рой Славенороссы стремиться должны. Грече„скій языкъ да будетъ средоточіемъ и основа„ніемъ, на коемъ благолѣпное зданіе наукъ воз„высится и довершится. Въ немъ Россійское „юношество почерпнетъ привязанность къ нра„вамъ и вѣрѣ праотцовъ своихъ, страсть къ „языку своему, чистѣйшую пищу для сердца. „Умѣя цѣнить скудость современныхъ наречій, „Россіянинъ возлюбитъ обогатить все то, что „Руское, и не ослѣпленный ложнымъ блескомъ, „не укоснитъ сравниться съ соперниками сво„ими, и скоро единодушнымъ усиліемъ далеко „превзойдетъ ихъ. По мѣрѣ того, какъ изуче„ніе древнихъ языковъ, въ безднѣ ничтожныхъ „ежедневныхъ сочиненій поглощенное, въ сосѣд„ственныхъ странахъ слабѣетъ и изчезаетъ, по „мѣрѣ того, говорю, намъ предоставлено воз„становить сіе плачевное паденіе. Окажемъ ис„тинное Славенское гостепріимство музамъ „Эллады и Рима; откроемъ имъ вѣрное, безопас-

„ное, пространное пристанище; и Геній вре-
„менъ, геній человѣчества, среди потомковъ
„нашихъ, соорудитъ незыблемый храмъ добле-
„стей, просвѣщенія и славы. Глубоко чувствуя
„сію истину, что древніе языки должны быть
„основою просвѣщенія всѣхъ вообще народовъ,
„но болѣе Россіянъ, вознамѣриваюсь начертать
„планъ изученію Греческаго языка. Латинскій
„языкъ полезенъ, нуженъ, но Греческій долженъ
„быть достояніемъ Рускихъ, дабы нѣкогда еди-
„новѣрныя поколѣнія могли соединиться.

Разсуждая далѣе о Греческомъ языкѣ, про-
должаетъ онъ: „Халдейцы, Египтяне, Финикі-
„яне, конечно украсили пріятными игрушками
„колыбель и младенчество человѣческаго рода.
„Халдеецъ, лежа при спящемъ стадѣ своемъ на
„неизмѣримыхъ злачныхъ равнинахъ, бесѣдовалъ
„съ звѣздящимися небесами, и мечталъ въ оныхъ
„видѣть свою судьбину. Египтянинъ, подобный
„юношѣ, чувствующему въ первый разъ кипя-
„щія силы свои, накоплялъ громады, воздвигалъ
„утесы, начертывалъ загадки, и наполнялъ пи-
„рамиды плѣнною перстію Царей своихъ. Про-
„тивуборствуя нашествіямъ воды, онъ помы-
„шлялъ только о прочности и незыблемости
„своихъ зданій. Индъ, взлелеянный при самыхъ

„сосцахъ природы, близъ колыбели человѣче-
„ства, сбиралъ преданія о началахъ міра, и бла-
„женствуя чрезмѣру въ обьятіяхъ естества,
„нарушалъ свое щастіе безумными постановле-
„ніями. Финикіянинъ познанія и сокровенности
„сосѣдей своихъ Египтянъ сообщалъ отдален-
„нѣйшимъ частямъ земнаго шара, не по вели-
„кодушію, но по корыстолюбію — слѣпое ору-
„діе въ десницѣ промыслителя. Единые Греки,
„Боготворящіе все то, что изящно, музъ изъ
„чудовищъ преобразили въ Богинь общежитія,
„просвѣщенія и радости. Въ ихъ рукахъ все
„украсилось, разцвѣло и оживотворилось. Тем-
„ная загадка Египтянъ, бывъ до селѣ цвѣтомъ
„ночнымъ, раскинулась подобно утренней розѣ,
„и пышный, выразительный, благозвучный Про-
„тей Греческаго языка, на блестящихъ крыль-
„яхъ умчалъ ея благоуханія во всѣ страны
„земныя. Орфей тронулъ адъ, Амфіонъ гласомъ
„своимъ воздвигнулъ стѣны, Музей извлекъ пер-
„выя слезы умиленія, Исіодъ отеръ потъ зем-
„ледѣльца, Омиръ воскрилилъ душу, распростра-
„нилъ умъ, далъ пареніе воображенію. Пиѳагоръ,
„Солонъ и Ликургъ, стали гласить до селѣ нѣ-
„мую мудрость. Сословіе седьми мудрецовъ от-
„крыло безсмертное пиршество для насыщенія
„ума человѣческаго. Наконецъ Анаксагоръ, Ди-

„мокритъ, Сократъ, Платонъ, Евклидъ, Ари-
„стотель, увѣнчали философію златою Діади-
„мою драгоцѣннѣйшихъ истинъ. Иродотъ, Діо-
„нисій, Діодоръ, Θукидидъ, Ксенофонтъ, Плу-
„тархъ, смѣлою рукою раскрыли свитокъ про-
„шедшаго. Стисихоръ, Епихармъ, Алкей, Тир-
„шей, восхитили сердца благогласіемъ. Есхилъ,
„Софоклъ, Еврипидъ, раздрали священныя тучи,
„облегающія вѣчнаго правосудія престолъ, нау-
„чили малыхъ забывать горе, щастливыхъ со-
„страдать и слезы лить, и трепетать вели-
„кихъ. Θеокритъ, Мосхъ, Віонъ, Симонидъ, Ана-
„креонъ, воззвали вѣкъ златой въ своихъ пѣс-
„няхъ. Кодры, Аристомены, Леониды, Аристи-
„ды, Фокіоны, Епаминонды, всѣ добродѣтели
„показали на дѣлѣ, Отечество свое спасая. Въ
„новѣйшія времена Христіанство, сіе святое
„растеніе, коего сѣмена пали на землю свыше,
„оросилось кровію, возрасло трудами, обогати-
„лось твореніями, вкоренилось твердостію Гре-
„ческихъ отцевъ и проповѣдниковъ: Златоустъ,
„Аѳанасій, Григорій, Василій, пребудутъ въ вѣ-
„кахъ незабвенными. Отрасль всего того отда-
„на Славянамъ умирающею Греціею, которая
„терзаемая предчувствіемъ близкаго паденія
„своего, священный огнь нестарѣющей Вѣсты

„вручила благороднымъ племенамъ Сѣвера, вопія:
„соблюди, и нѣкогда воскреси мою память!“

Послѣ сего вступленія сочинитель излагаетъ образъ преподаванія Греческаго языка, разбираетъ знаменитыхъ на ономъ писателей и стихотворцевъ, означая, которыхъ, для удобнѣйшаго обученія, должно изъ нихъ читать напередъ, которыхъ послѣ. Приводитъ многія мѣста изъ Иліады, Одиссеи, и другихъ твореній, переводя и объясняя красоту стиховъ. Сей опытъ господина сочинителя показываетъ въ немъ основательность ученія и прямыхъ знаній. Онъ дѣлаетъ ему честь, и можетъ быть весьма полезенъ для первоначальнаго наставленія юношей въ языкѣ по истинѣ нужнѣйшемъ для насъ, и безъ котораго едвали можемъ мы когда нибудь быть сильны въ словесныхъ наукахъ.

Другое присланное въ Бесѣду сочиненіе есть стихотворная пѣснь, содержащая въ себѣ около тысячи пяти сотъ Александрійскихъ стиховъ, подъ названіемъ: *Ночь на гробахъ, подражаніе Юнгу.* Сіе нравоучительное стихотвореніе исполнено многими красотами. Мы удовольствуемся выпискою изъ онаго нѣкото-

рыхъ мѣстъ. Важность содержанія онаго не представляетъ, конечно, ни какихъ суетныхъ увеселеній сердцу, но возвышаетъ душу, укрѣпляетъ въ вѣрѣ, и возноситъ умъ нашъ къ тому высокому любомудрію, которое изъ созерцанія природы учитъ насъ въ самихъ себѣ видѣть самое ничтожное и самое величественное. Таковыя размышленія подобно солнцу, истребляющему мракъ ночи, прогоняютъ тучи омрачающихъ насъ страстей, спасаютъ отъ бѣдственнаго утопанія въ порокахъ, и созидаютъ чистоту нравовъ. Онѣ полезны тому, кто не уничижаетъ въ себѣ имени человѣка, и кто лучше хочетъ будущее жилище свое видѣть съ Ангелами на небесахъ, нежели въ землѣ съ червями. Вѣкъ нашъ кратокъ; мы сегодня живы, а завтра нѣтъ: и такъ нужно намъ чрезъ оныя познавать цѣль бытія своего и самихъ себя. Но обратимся къ сочинителю: Онъ, по вступленіи въ начало пѣсни своей, приводитъ читателя къ тому страшному намъ, но неизбѣжному мѣсту, гдѣ спятъ усопшія тѣлеса смертныхъ, и говоритъ:

Се нива Божія, усѣяна тѣлами!
Виситъ надъ нею тьма — и черными крилами
Надъ спящимъ множествомъ наводитъ страшну тѣнь,

И ждетъ когда придетъ ужасный, вѣчный день,
Которой озаривъ пещеры мертвыхъ темны,
Затмитъ сіяющи величія наземны.
Здѣсь взоръ недремлющій лишъ видитъ ночь одну,
Здѣсь слухъ внимающій лишъ слышитъ тишину;
Чуть мраморы, сквозь мглу, мелькаютъ часты, блѣдны,
Престолы смерти злой и знаменьи побѣдны,
И всѣ безмолствуя вѣщаютъ мнѣ мой рокъ.
По дремлющимъ древамъ летаетъ вѣтерокъ,
И шорохомъ листовъ и вѣяньемъ шумливымъ —
Задумчивость зоветъ къ мечтаніямъ страшливымъ;
Здѣсь время съ вѣчностью сошлися на земли,
И міръ вещественный съ духовнымъ сопрягли;
И здѣсь изъ нѣдръ земныхъ, сквозь каменные своды,
Я слышу съ трепетомъ священный гласъ природы:
Живущій! ты умрешъ: будь въ мысляхъ бодръ и строгъ,
И гордости своей сломи высокій рогъ.

О тлѣнія удѣлъ! рушенія жилище!
Уму надменному приличное гульбище!
Не весь ли шаръ земный подобится тебѣ!
Народы безъ числа вмѣщаетъ онъ въ себѣ,
Вмѣщаетъ вновь и вновь, и дмится непрестанно,
И все его лице, обширно и пространно,
Корою облеклось изъ труповъ и костей;
Моря его текутъ по черепамъ людей,
И грады зиждутся отъ каменій надгробныхъ,
Мы жнемъ насущный хлѣбъ отъ персти намъ подобныхъ,
И сею персгію земля пресыщена,

Гробами нашими вселенная полна,
И мѣста нѣтъ на ней не бывшаго могилой.
Трепещетъ цѣлый міръ предъ страшной смерти силой,
Предъ ужасомъ ея подъ солнцемъ торжества;
И солнце въ небесахъ, сей образъ Божества,
Всесильнымъ предано ея державной волѣ,
И солнце нѣкогда сорветъ она отъ мѣстъ.
И вы, о свѣтлые, небесные огни,
Сверкающи сребромъ въ полунощной тѣни!
Отъ хищности ея и всѣ вы неизъяты.
Но люта имѣвъ добычи толь богаты,
До времени судьбы оставивъ горній сводъ,
Ревнуетъ поражать словесныхъ слабый родъ,
Надъ онымъ истощать свой тулъ неистощимый.
Падутъ — и властелинъ, вселенною служимый,
И самый нищій рабъ — всѣ бренне одно. —
Средь хлябій водъ морскихъ теряются равно,
Безвѣстные ручьи и громки въ мірѣ рѣки;
Такъ въ смерти равными творятся человѣки.
Очами разума во гробы я приникъ:
Кто нищъ и кто богатъ? кто малъ и кто великъ —
Гдѣ гордое чело, гдѣ образъ величавой,
На коихъ златъ вѣнецъ покоился со славой,
На коихъ съ трепетомъ, страны и племена,
Читали жребій свой на многи времена?
Гдѣ прелесть красоты, соборъ очарованій,
Къ которой каждый мигъ, на крыліяхъ желаній,
На крыліяхъ любви, съ восторгомъ безъ конца,
Парили юные, пылающи сердца?
Гдѣ сильная рука, которая громами,

Сражала смертныхъ въ перстъ, и тысячьми и тьмами,
И землю облила потоками кровей?
Все тлѣнія корысть, все смрадъ и снѣдь червей!

По изображеніи такимъ образомъ могущества смерти, сочинитель укоряетъ слѣпоту упопающихъ въ порокахъ людей, которые, видя вокругъ себя погибель и рушеніе всего, живутъ, какъ бы имъ не умирать, словно, говоритъ онъ, какъ бы мы:

. . . . . со смертію поставили завѣтъ;
Но смерть вступаетъ въ насъ, лишь мы вступаемъ въ свѣтъ.

Потомъ, описуя краткость дней нашихъ, гдѣ (продолжаетъ):

Гдѣ время прежнее, гдѣ каждый прошлый часъ?
Увы! Едва мелькнувъ, промчались мимо насъ,
Въ пространство вѣчности для мыслей необъятно;
Въ бездонной пропасти погрязли невозвратно!
Всѣ прочіе летятъ — еще единый мигъ,
И я до смертныхъ врать, до вѣчности достигъ,
И міръ исчезнетъ мнѣ со всею красотою,
И солнце будетъ мракъ, и звѣзды темнотою.
Какъ гибнетъ слѣдъ орла парящаго къ звѣздамъ,
Громады корабля бѣгущей по водамъ,
Зміи по камени віющейся волнами,
Такъ жизнь прешекшая теряется за нами.

Какая (продолжаетъ онъ) слабая стѣна раздѣляетъ живыхъ отъ мертвыхъ! Хоть бы мы сто лѣтъ прожили, —

. . . . . Но все то мигъ одинъ.
Отринуть смерть свою не льстился, исполинъ!
Вспять море устреми, сдержи стремленье бурь,
И солнцу воспяти хотящуся по лазури,
Но смерть остановить на день, на часъ, на мигъ,
Отчайся, суетный!

Послѣ сихъ о необходимости смерти, и краткости пребыванія нашего на землѣ, живыхъ представленій, сочинитель вопрошаетъ:

Но что? съ рушеніемъ сей плоти моея,
Ужели я въ конецъ лишуся бытія,
Ужели тлѣнію душа прикосновенна,
И съ храминой своей равно исчезновенна?
На тои я творцемъ воззванъ изъ ничего,
Да вдругъ ничтожество истлитъ меня всего?
Или свершится рѣчь глушителей развратныхъ?
Блуждая по стезямъ пороковъ имъ пріятныхъ,
Ослабивъ всѣ бразды бунтующимъ страстямъ,
Упрекамъ совѣсти ругалась какъ мечтамъ,
Они хуленіе и буйство чрезвычайно,
Рыгаютъ отъ сердецъ: „родимся мы случайно,
„Мелькнемъ и скроемся подобно снамъ пустымъ,
„Какъ искра наша жизнь, дыханіе какъ дымъ;
„Едва лишь искры сей угаснетъ блескъ ничтожный,

*

„Престанетъ двигаться нашъ оставъ многосложный,
„Падетъ разсыплется, и будетъ прахъ и пепелъ;
„И духъ нашъ излетитъ какъ воздухъ вешній шепелъ,
„Какъ паръ разсѣется по дольнему ефиру,
„И весь приложится къ вещественному міру.“

По вложеніи сихъ ложныхъ умствованій въ уста заблуждшихъ и ослѣпленныхъ людей, сочинитель восклицаетъ:

Прейти въ небытіе! — при мысли сей одной,
Отчаянье какъ адъ зіяетъ предо мной,
По жиламъ и костямъ стремится трепетъ хладной
И сердце рушится отъ скорби безотрадной.
Но бурны помыслы, о разумъ! утиши;
Перстъ Божій начерталъ безсмертіе души,
Во всемъ созданіи и дольнемъ и небесномъ,
Въ душевныхъ качествахъ, въ сложеніи тѣлесномъ.
Пусть вникнетъ человѣкъ въ себя своимъ умомъ,
Достоинство свое почтетъ въ себѣ самомъ,

Здѣсь стихотворецъ исчисляетъ съ какими преимуществами созданъ человѣкъ, описываетъ какъ онъ богатъ чувствами, говоритъ что:

Одно малѣйшее отверстіе очей
Объемлетъ твердь сію и всѣ ея свѣтилы;
Безъ сихъ чудесныхъ чувствъ, безъ ихъ волшебной силы,

Хаосомъ и по днесь казалась бы земля:
Онѣ рисуютъ намъ и пестрыя поля,
И холмы злачные, и сребряныя воды,
Небесную лазурь, и всѣ красы природы.

Толико, продолжаетъ онъ, блестятъ внѣшнія его богатства; но внутреннія: память, воображеніе, разумъ и сихъ еще не сравненно превосходнѣе. Изображаетъ дѣйствіе и силу каждаго изъ сихъ дарованныхъ намъ отъ Всещедраго благъ, и потомъ вопрошаетъ:

Сія ли мудрая, чудесная душа,
Которая теперь безсмертіемъ дыша,
Паритъ, свергается, лѣтаетъ по всемѣстно,
И смѣетъ посѣщать святилище небесно,
Угаснетъ на всегда? Ефирный огнь въ ныли!
И будетъ тлѣніемъ и глыбою земли?
Какъ мертвыя тѣла сей смертныя ограды,
Смѣсится съ толщею вещественной громады,
Которой не почтилъ и жизнію творецъ?
На сей ли суетный, ничтожнѣйшій конецъ,
Всесильный далъ душѣ толь многи совершенства?
Всесильный есть любовь; творитъ лишъ для блаженства,
И цѣль сія видна во всѣхъ его дѣлахъ;
Во всѣхъ является великъ, премудръ и благъ,
И благости его самъ адъ не дастъ упрека;
И благость ли его отвергнетъ человѣка,

Чтобъ самый подлый гадъ предъ онымъ возгордѣлъ?
И естьли здѣшній міръ есть весь его удѣлъ,
Блаженство здѣсь вкушать онъ долженъ полной чашей,
Но чувствуемъ ли мы блаженство въ жизни нашей?
Увы! что наша жизнь? смертей различныхъ цѣпь,
Пустыня дикая, безплоднѣйшая степь,
Стлтченна черными тлетворнѣйшими мглами,
И странникъ человѣкъ, обуреваемъ злами,
Безумія корысть, игралище страстей,
Влечется въ тысящи погибельныхъ путей,
Доколѣ жизнь его поглотитъ смерть лихая
Въ печаляхъ живучи, въ болѣзняхъ издыхая,
Блаженствуетъ ли онъ на сей своей землѣ?
Подобна наша жизнь ушѣсистой скалѣ,
Дрожащей отъ громовъ, чело ея разящихъ,
И мрачной будто ночь отъ тучь надъ ней висящихъ;
И бѣдный человѣкъ, искидокъ бытія,
Мертвѣетъ въ ужасѣ на высотѣ ея,
Внимая предъ собой ярящееся море,
Въ которое упасть онъ долженъ вскорѣ, вскорѣ.
Увы! коль много золъ воюютъ наши дни!
Война и моръ и гладъ и бури и огни,
Раздоры внутренни, тиранство съ сердцемъ мѣднымъ,
Терзаютъ смертнаго навѣтомъ многобѣднымъ:
Сей образъ Божества, здѣсь въ руды погруженъ,
Забылъ что солнце есть, лучей дневныхъ лишенъ,
И смрадною дыша воздушной густотою,
Въ истокахъ золота томится нищетою.
А тамъ, подпавшіе плѣнившему ихъ злу,
На вѣкъ прикованны къ кровавому веслу,

Разумны существа, безчестья, срама полны,
До немощи орутъ пучины бурной волны,
И пожинаютъ съ нихъ — отчаянье одно.
А тамъ, съ презрѣнными забвенные равно,
Безстрашны витязи, побѣдой украшенны,
За пользу общества во брани сокрушенны,
Часть членовъ потерявъ на бѣдственныхъ поляхъ,
Съ оставшей частію скитаясь на жезлахъ,
Обходятъ области ихъ мужествомъ спасенны,
И часто за труды, за раны понесенны,
У хладной жалости, лишаясь всѣхъ потребъ,
Не могутъ испросить ниже насущный хлѣбъ.
А тамъ, что слышу я? — Рыданія и крики,
Со скрежетомъ зубнымъ смѣшенны вопли дики,
Несутся съ ужасомъ въ препещущій мой слухъ,
Пронзаютъ какъ мечи страдающій мой духъ:
Тамъ смерти злой рабы, болѣзни, полны злости,
На смертныхъ укрѣпясь, рвутъ жилы, рушатъ кости,
И мучатъ ихъ тѣла и мразомъ и огнемъ,
Отъ мукъ не престаютъ ни нощію ни днемъ,
Сосутъ изъ сердца кровь, снѣдаютъ ихъ утробы,
И тысящьми смертей низводятъ ихъ во гробы.
Всякъ смертный подлежитъ страданіямъ всегда;
Воздержность строгая болѣзней не чужда,
Невинность иногда не избѣгаетъ казни,
И доблесть жертвою бываетъ непріязни:
Тамъ звѣри хищные страшилища лѣсовъ,
Терзаютъ и людей какъ агнцевъ и тельцовъ,
Грызутъ еще живыхъ убійствомъ распаленны,
Глотаютъ съ жадностью трепещущи ихъ члены,

Пируютъ надъ костьми безсильныхъ ихъ Царей.
Но человѣкъ и самъ превыше всѣхъ звѣрей.
Восходитъ люшостью и злобой кровожадной;
Подобному себѣ бываетъ бичь нещадной.
Бываетъ мщеніе съ притворствомъ съединя.
О звѣзды кроткія не слушайте меня.
Прострись сперичный мракъ по выспренней лазури:
Со свистомъ вьется вихрь предъ ужасами бури,
И башни тяжкія, шатаясь въ высотахъ,
Трещатъ сперва, грозятъ, чемъ свергнутся во прахъ;
Рыкаютъ первѣе и горы огнеметны,
Чемъ станутъ извергать, какъ молніи несмѣтны,
Свой пламень гибельный на холмы и поля;
И прежде отъ среды колеблется земля,
Чемъ безднами своей расторженной громады,
Какъ челюстьми пожретъ селенія и грады;
И первѣе чрезъ дымъ является пожаръ:
Отъ человѣка же тѣмъ скрытнѣе ударъ,
Чемъ сердцу нашему онъ болѣе приближенъ.

По изображеніи толь мрачными и сильными всѣхъ бѣдствій и золъ, какимъ родъ человѣческій подверженъ бываетъ на земли, стихотворецъ вопрошаетъ:

Ужели человѣкъ всеправеднымъ обиженъ,
Коль далѣе земли ему надежды нѣтъ.
Что страждетъ на землѣ отъ бѣдствій и суетъ;
И мучится всю жизнь и гибнетъ не возвратно?
Страданія дѣтей отцу ли зрѣть пріятно?

Возможетъ ли благій быть дѣлателемъ зла?
Никакъ! — Бѣги отъ насъ толь черная хула. —
А естьли зло живетъ, растетъ подъ небесами,
Живетъ, растетъ и въ насъ — вина тому мы сами;
Но разумъ Божества, ему же нѣсть числа,
Изъ тьмы создавшій свѣтъ, добро творитъ изъ зла,
Да въ нашей немощи его свершится сила,
Да души грѣшниковъ, какъ злато средь горнила,
Отъ бренія страстей очистятся въ бѣдахъ,
Обрящутъ вѣчный миръ по краткихъ ихъ трудахъ,
Безмѣрность радостей за малость ихъ страданій,
И тамъ, гдѣ нѣтъ скорбей, болѣзней, воздыханій,
Красуяся въ лучахъ нетлѣннаго вѣнца,
Участвуютъ съ Творцемъ въ блаженствѣ безъ конца.

Далѣе стихотворецъ доказывая безсмертіе души изъ ненасытныхъ желаній нашихъ, говоритъ:

Коль смертный гибнетъ весь, коль жизни нѣтъ иныя,
Почто же малы намъ всѣ щастія земныя?
Почто на всякій день, почто на всякій часъ,
Желанья новыя смущаютъ, борятъ насъ,
И мы чрезъ цѣлу жизнь спокойству непричастны?
Почто и Царь и рабъ, и тотъ, кому подвластны
Обширныя страны, тьмочисленный народъ;
И тотъ, кто свой шалашъ отъ зимнихъ непогодъ
Чуть можетъ защитить соломою и мохомъ,
Встревоженны равно износятъ вздохъ за вздохомъ?
О лучшей участи вздыхаютъ день и ночь,

И щастье вздохами далече гонятъ прочь?
Толь разны жребіемъ, толь жалобами сходны!

Естьли бы (продолжаетъ онъ) душа наша не была безсмертна, то всѣ животныя, въ чувственныхъ утѣхахъ насъ превосходящія, и почти ни какими заботами и страстями не обуреваемыя, были бы несравненно благополучнѣе человѣка. Они, говоритъ:

Безъ страха смертнаго проводятъ мирный вѣкъ;
Блаженна ихъ судьба! — а гордый человѣкъ,
Читающій въ звѣздахъ, владѣющій вселенной,
Стремится къ ней вотще подъ игомъ плоти тлѣнной;
А гордый человѣкъ, заботами смущенъ,
Безпечности ихъ чуждъ, довольства ихъ лишенъ,
Не можетъ раздѣлять ихъ радости невинной,
Скорбитъ и сѣтуетъ въ юдоли сей пустынной,
Гдѣ первенства его поругана вся честь,
И гдѣ природа вся не можетъ произвесть
Желаніямъ его приличной, крѣпкой пищи,
Мы алчны въ сытости, въ обиліи мы нищи;
И чемъ же, чувствуя земныхъ вещей тщету,
Чемъ сердца своего наполнимъ пустоту?

Самыя страсти, продолжаетъ стихотворецъ, суть неложные признаки безсмертія нашей души; ибо, говоритъ:

Хоть страсти для души бываютъ остро жало,
Хоть рабствуютъ грѣху, не грѣхъ есть ихъ начало:

Безсмертіе души есть корень всѣхъ страстей.
Желаніе богатствъ, веселій и честей,
Живетъ у насъ въ груди, нашъ врагъ непримиримой,
И всѣ мы жаждою горимъ неугасимой,
Не только лишь Цари — послѣдніе рабы,
Желаютъ безъ конца блистательной судьбы:
Знакъ жизни безъ конца желанье безконечно,
И души вѣчныя должны взноситься вѣчно,
Иль злато пріобрѣсть, или ничтожный блескъ,
Отъ вѣчнаго хвалу, или отъ смертныхъ плескъ.

Человѣку (говоритъ потомъ стихотворецъ) сродно обогащать свой умъ науками и любопытствомъ, и хотя бы жилъ онъ многіе вѣки, не насытилъ бы никогда сего своего желанія. Къ чемужъ бы созидать въ немъ оное на столь краткое время, въ которое едва успѣетъ онъ окинуть взоромъ твореніе? за тѣмъ ли, чтобъ онъ

Въ началѣ опытовъ, не свѣдавъ ничего,
Угаснулъ навсегда, какъ искра въ быстромъ токѣ?
Свѣтило ли міровъ заходитъ на востокѣ?
И съ утренней зарей кончается ли день?

Когда нѣтъ безсмертія (продолжаетъ онъ), такъ и самая добродѣтель есть зло; ибо тогда посвящать ей жизнь свою, и жертвовать для ней спокойствіемъ и успѣхами своими бы-

ло бы покланяться суетной мечтѣ; но (говоритъ):

Какая скорбь душѣ помыслить, что злодѣй,
Всю жизнь торжествовавъ, найдетъ въ награду злобѣ
Равно спокойное возглавіе во гробѣ,
Какъ самый ревностный поклонникъ Божества!
Здѣсь добродѣтель, трудъ и подвигъ и битва,
И что же нудитъ насъ стезею острой, тѣсной,
На бѣдства къ ней бѣжать? — вѣнецъ ея небесной,
Которымъ въ вѣчности украситъ насъ Господь!
Лишъ онъ даетъ намъ мощь попрать и міръ и плоть,
Навѣты одолѣть и злобы и коварства.
Нещастенъ ли тотъ рабъ, который чаетъ Царства,
Лишъ первый утра блескъ разсѣетъ темну ночь?
Онъ мракъ унынія отгнавъ отъ сердца прочь,
Не чувствуетъ цѣпей, не мнится быть въ неволѣ,
Но въ мысляхъ воцарясь на будущемъ престолѣ,
Владѣетъ Царственнымъ отсутственнымъ жезломъ
И духомъ возносясь яснѣется челомъ.

Послѣ сего изображенія утѣшительной надежды страдающаго праведника, стихотворецъ, продолжая доказательства свои о будущей жизни, вопрошаетъ:

Когда въ безсмертіи надежда наша тщетна,
Почтоже твердь сія звѣздами искрометна,
Какъ нѣкій свѣтлый кровъ объемлетъ насъ кругомъ?
Почто отчаянью толь пышный созданъ домъ?

На то ли славныя, безчисленны свѣтилы
Катясь по небесамъ отъ дѣйства вѣчной силы,
Свершаютъ ихъ пути въ извѣстны времена,
Чтобъ смертныхъ бѣдственныхъ несчетны племена,
Всю длительность ихъ бѣдъ могли исчислить вѣрно,
Всю мѣру ихъ познать и сѣтовать безмѣрно?
На то ли красотой красуется земля,
Блестящей жатвою златитъ свои поля,
Нестритъ свое лице цвѣтами и плодами,
Холмами, пажитьми, дубравами, водами,
Что бы средь зрѣлищъ сихъ смѣющихся вкругъ насъ,
Мы горько плакались на всякій день и часъ?
Пещера аспида и вепря логовище
Ничтожнымъ было бы приличнѣйше жилище,
Чтобъ выли намъ они, пускали вопль и стонъ.
Какъ Ѳивы стройныя, какъ пышный Вавилонъ,
О коихъ хвалятся умъ смертнаго и чувства,
Созданные трудомъ временъ, богатствъ, искусства,
Изъ мраморовъ драгихъ, изъ кедровыхъ лѣсовъ,
Прилично соградить для аспидовъ и совъ,
Такъ звѣздный сей чертогъ создать для человѣка,
Коль бренію сему нѣтъ будущаго вѣка.
Межъ тѣмъ какъ мы плѣнясь небесной красотой,
Гордимся мыслію, желаній высотой,
Едва ползущій червь, но въ мірѣ семъ блаженной,
Изъ хижины своей, во прахѣ соруженной,
Не въ правѣ ли насъ звать витать въ пыли съ собой,
Коль тлѣну съ нимъ равно мы преданы судьбой,
Коль жизнь ему и намъ равно не возвратима,
Коль смерти хищныя рука неумолима

Нещадно подавивъ стенаній нашихъ гласъ,
На вѣкъ завѣсой тьмы завѣшиваетъ насъ?
Скрывая въ мрачный гробъ великихъ добротою,
Геройствомъ, мудростью и правдою святою,
И всѣми свойствами достойными хвалы,
Уже ли можно намъ помыслить безъ хулы,
Что всѣ сіи дары, что всѣ сіи изрядства,
(Предъ коими ничто земныя всѣ богатства,
Которымъ равныхъ нѣтъ въ блистающихъ мірахъ)
Единый будутъ смрадъ, потомъ исчезнутъ въ прахъ?
Творецъ ли нашъ благій, и въ самое то время,
Когда небесныхъ имяшъ раскинется въ насъ сѣмя,
Когда у насъ въ груди свѣтаетъ Божество,
Разрушитъ до конца все наше существо,
Сомнѣньемъ устрашитъ селенія небесны,
Что могутъ умереть и духи безтѣлесны?

Здѣсь стихотворецъ обращается опять къ невѣрующимъ, и говоритъ:

Живутъ ли на землѣ, и люди ли они,
И какъ мнѣ ихъ назвать да правды не нарушу,
Которые въ себѣ безсмертну носятъ душу,
Не вѣдая о томъ, къ ихъ сраму и стыду,
Подобно какъ гора лежащу въ ней руду,
Подобно какъ скала алмазъ въ ней заключенный?
Когда послѣдній день, всесильнымъ ополченный,
Скалы разсыплетъ въ персть, растаетъ твердость горъ,

Познаютъ и они — но въ вѣчный свой позоръ,
Богатство собственныхъ, безвѣстныхъ имъ сокровищъ.

Опровергая нелѣпыя мнѣнія ихъ, онъ продолжаетъ:

Природа возстаетъ вѣщать имъ вопреки:
„Воззрите на меня, несчадія строптивы!
„Безумцы жалкіе! безуміемъ кичливы!
„Премѣна все во мнѣ; премѣна — но не смерть:
„Се звѣзды сребрены взошли на синю твердь;
„И паки скроются, и вновь явятся въ славѣ;
„Се ночь уснувшій миръ хранитъ въ своей державѣ,
„Но вскорѣ придетъ день и воцарится въ немъ,
„Такъ день за нощію и нощь течетъ за днемъ.
„Все тоже на земли: се радостное лѣто,
„Душистой зеленью какъ ризою одѣто,
„Цвѣтами увѣнчавъ златистое чело,
„Блеснуло красотой — и въ осень перешло.
„Се вьюгами шумя, и жизнь земли снѣдая,
„Отъ мразовъ каменна идетъ зима сѣдая,
„Сдуваетъ осень прочь въ плодахъ ея красну,
„И вдругъ изнемогла, распаяла въ весну;
„Пригожая весна приходитъ съ сердцемъ мирнымъ,
„И холодъ разрѣшивъ дыханіемъ зефирнымъ,
„Поля озеленивъ, олиственивъ лѣса,
„И птицамъ возвративъ ихъ стройны гласа,
„Глашаетъ лѣто вновь изъ теплыхъ храминъ Юга.
„Такъ все мѣняется, кажится въ видѣ круга,

„Падетъ и возстаетъ какъ въ быстромъ колесѣ;
„Все вянетъ, чтобъ процвѣсть, и цвѣсть во всей красѣ.
„Се образъ смертнаго — и часть его блаженну,
„Познайте, буйные! во мнѣ преображенну;
„Се образъ смертнаго — такъ точно человѣкъ,
„Преходитъ отъ земли, не умираетъ въ вѣкъ.“

Прехожденіе человѣка отъ временной къ вѣчной жизни изображаетъ онъ слѣдующими стихами:

Какъ узникъ страждущій, отъ уз изнеможенный,
Щастливымъ жребіемъ въ отраду отпущенный,
Изъ смрадности и тьмы отъ ужасовъ и слезъ,
Возшедъ на злачный холмъ, подъ чистый сводъ небесъ,
И дышущъ сладостью эфира и свободы,
Любуется красой весеннія природы,
Ликуетъ въ радости, въ восторгѣ, въ торжествѣ,
Какъ бы рожденный вновь и въ лучшемъ естествѣ;
Такъ съ радостью душа летитъ надъ круги звѣздны,
Отъ сна нечувствія, отъ края вѣчной бездны,
И все воспламенивъ отъ свѣтлыхъ сихъ огней,
Что есть небеснаго Божественнаго въ ней,
И гордость воспріявъ безгрѣшну, благородну,
Паритъ въ страну ума, въ стихію ей природну,
Въ единой вѣчности ища утѣхъ, честей,
Глушаясь горести привременныхъ сластей,
Презрѣвъ величіе безсмертнымъ непримѣтно.

Жизнь праведника описываетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

Безсмертный человѣкъ, взыскующій блаженства,
Возшедъ по крутизнамъ на гору совершенства,
Сѣдитъ въ блистающемъ изъ доблестей вѣнцѣ,
Небесной кротостью цвѣтетъ его лице,
И взоры въ небесахъ, и мысли небомъ полны;
Вотще подъ нимъ шумятъ житейски бурны волны;
Навѣты зависти, въ отчаянье врагамъ,
Какъ громы тщетные падутъ къ его ногамъ;
Надъ нимъ распространивъ крилѣ свои златыя,
Летаютъ Ангелы, друзья его святыя,
Даютъ ему покровъ и плещутъ въ похвалу.
Страсть каждая его, подобяся орлу,
Паритъ въ превыспренность безмрачну, безмятежну.
Воздержность строгую вмѣняя въ роскошь нѣжну,
Желанія свои разсудкомъ оковавъ,
Чтя подвиги къ добру въ числѣ своихъ забавъ,
Онъ чувствуетъ въ груди веселія всегдашни.
Къ нему съ улыбкою взираютъ дни вчерашни,
Ниже какъ Парояне язвятъ бѣгущи вспять.
И щастье отъ него не въ силахъ адъ отъять.

О непремѣнномъ и ничѣмъ неразрушаемомъ существованіи человѣка говоритъ онъ:

Пусть твердь небесную трясутъ удары громны,
Пусть всѣ обрушатся міры сіи огромны,
И землю разразятъ, и насъ истлятъ во прахъ,
Души не повредятъ, ниже повергнутъ въ страхъ;
Изникнетъ человѣкъ изъ толщи раздробленной,

Какъ пламя высяча отъ пепела вселенной,
Взойдетъ въ духовный міръ, предъ вѣчную любовь,
Что бъ съ пламенемъ ея на вѣкъ сліяться вновь,
И тамъ себя святитъ чрезъ вѣчную святыню;
И зритъ съ веселіемъ всемірную пустыню,
Рушеніемъ міровъ онъ вѣчность пріобрѣлъ;
Безсиліемъ громовъ, тщетою смертныхъ стрѣлъ,
Побѣдой славною надъ бурями подземной,
Увѣрится въ своей свободѣ не отъемной.

О страшномъ гласѣ совѣсти, которую грѣшникъ старается усыплять въ себѣ, и которая при концѣ жизни его возопіетъ громко, говоритъ онъ: на то ли мы живемъ здѣсь,

Чтобъ съ нею вѣчную вести въ себѣ войну,
Иль пѣснями Сиренъ склонять ее ко сну,
На мягкихъ льщеніяхъ покоить какъ на розахъ,
И лаской утишать немолчную въ угрозахъ?
Но хитрая межъ тѣмъ, какъ кажется нѣма,
И послабляюща страстямъ бразды ума,
И насъ не помняща, и дремлюща небрежно,
Умѣетъ соглядать, изслѣдовать прилѣжно,
Всѣ злыя склонности, дѣла нечистоты,
Пороки, слабости, и самыя мечты,
И пишетъ нашу жизнь, о точности радѣя,
И смерть ее прочтетъ въ слухъ блѣднаго злодѣя,
И громко возвѣститъ безчисленнымъ мірамъ,
И вѣчность стонами провозгласитъ нашъ срамъ.

О тщетности нашей жизни и пустомъ страхѣ *умереть*, разсуждаетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

Земная наша жизнь есть цѣпь мечтаній смутныхъ,
И бренный человѣкъ, добыча скукъ, тревогъ,
И часто жертва бѣдъ, отчаяться бы могъ,
Когда не чаялъ бы чрезъ смерть избыть досады;
И смерть ли намъ страшна виновница отрады?
Что смерти трепетать? гдѣ смерть? — Едва пришла,
Уже исчезла въ мигъ, и мы спаслись отъ зла;
И смертный колоколъ, и мглы могилъ густыя,
И тлѣніе и червь — суть призраки пустыя.
И мы ли, въ робости не лучшіе дѣтей,
Единыя боясь, претерпимъ тьмы смертей?
Что умираетъ въ насъ? — Болѣзни, скорби, стоны!
Что умретъ въ насъ? — Къ безсмертію препоны!
Живущи на земли живутъ на персти персть;
Лишь смерть единая сильна для насъ отверзть
Домъ жизни истинной, живущимъ затворенный,
И духъ нашъ оживить, отъ жизни изгнанный.
Здѣсь каждый человѣкъ зародышъ бытія,
Достигнетъ лишь чрезъ смерть до жизни своея.
Срѣтая въ смерти жизнь вдадимся ли мы страху?
Жизнь душу смертнаго порабощаетъ праху,
Ей смерть даетъ крилѣ оставить мятежи;
Жизнь — плоти торжество; смерть — торжество души;
Доколѣ плоть живетъ, душа лежитъ въ могилѣ,
Когда же плоть умретъ, душа воскреснетъ въ силѣ;

770995Л

И разумъ, сынъ небесъ, созданный быть Царемъ,
Не жизнью ли, увы! гнѣтется подъ яремъ?
Но смертью свобожденъ, и паки обоженный,
Восходитъ не престолъ въ покой его блаженный.

Далѣе стихотворецъ распространяется въ описаніи спокойной смерти праведника, умирающаго съ твердою надеждою на Бога — и на будущую жизнь. Онъ говрритъ:

Живъ Богъ! — и Богъ живый — живыхъ не мертвыхъ — Богъ!
Все мертвые живутъ, хо всѣмъ Онъ благъ и строгъ;
Душею днесь живутъ, но оживутъ и тѣломъ,
Да придутъ всѣ на судъ въ своемъ составѣ цѣломъ,
Награду или казнь воспримутъ за дѣла,
Въ которыхъ общники и души и тѣла.
Изыдутъ мертвые изъ нѣдръ земной утробы,
Въ престолы свѣтлые преобразятся гробы,
И человѣчество пріемля прежній видъ,
Хвалясь возопіетъ, заглаженъ зря свой стыдъ,
И тлѣнности своей не обрѣтая слѣда:
Гдѣ жало, смерть! твое? Гдѣ, адъ! твоя побѣда?
Смерть смерти предана! и адъ низверженъ въ адъ!
О смертный! умудрись, очисти умный взглядъ,
Отъ сердца своего отрини сомнѣній бремя,
Учись изъ естества — не всякое ли сѣмя,
Когда не согніетъ, не процвѣтетъ во вѣкъ,
И ты ли плотію погибнешь, человѣкъ!
Ничтожнѣйшій зерна посѣешся безплоденъ?

Покровъ твоей души священъ и превосходенъ,
Зане его и тотъ ношеніемъ почтилъ,
Кто небо осіялъ тьмочисліемъ свѣтилъ,
Покровъ твоей души сужденъ прежить вселенну,
Посѣянъ въ тлѣніе, возстанетъ въ жизнь нетлѣнну,
Въ жизнь чуждую скорбей, въ жизнь чуждую суетъ,
Вещественъ сѣется, духовенъ возстаетъ,
Изъ мертвыхъ навсегда въ живые претворенный.
Смотри у ногъ твоихъ віется червь презрѣнный;
Онъ кожу грубую отрясши отъ себя,
И въ круглый видъ зерна длину свою склубя,
Какъ мертвъ лежитъ въ пыли, движенія лишенный;
Промчится рядъ часовъ, и гадъ сей превращенный,
Доселѣ ползавшій со срамомъ по землѣ,
Получитъ нову жизнь и стройность и крилѣ,
И низменность презрѣвъ, пленяясь высотою,
На воздухъ возлетитъ, красуясь пестротою:
Такъ смертный, смертности совлекшися чрезъ смерть,
Хоть тлѣнъ его составъ успѣетъ въ пепелъ истерть,
Отъ пепла возродясь какъ Фениксъ обновленный,
Въ эфирѣ воспаритъ, безсмертнымъ воскриленный.

Наконецъ, послѣ многихъ еще разсужденій, говоритъ онъ о великолѣпіи міра:

О какъ витійственно блеститъ сей звѣздный сводъ!
Наставленъ, вдохновенъ, и преисполненъ Богомъ,
Высоки истины гласитъ высокимъ слогомъ;
И гдѣ, въ обширности творенія всего,

И гдѣ не слышатся вѣщанія его?
Безмолвіемъ гремитъ, бесѣдою всемірной,
Поверхъ всея земли, надъ твердію сафирной,
Гремитъ и въ пропастяхъ подземной глубины.
Свѣтильники сіи небесныя страны,
Являютъ намъ Творца, въ могуществѣ безмѣрнымъ,
И въ бездну Божества глубоко свѣтятъ смертнымъ.
Богъ духъ — и зрѣть его не можетъ тлѣчный взоръ,
Но видимъ мы его чудесъ сихъ зря соборъ:
Какая красота, величіе, устройство!
Все быстро движется, и все хранитъ спокойство;
Безъ отдыха бѣжитъ — и нѣтъ въ пути преградъ.
Едва мы возведемъ на небо робкій взглядъ,
Почто всесиліе срѣтаетъ насъ ничтожныхъ
Несчетностью чудесъ, лишь оному возможныхъ?
Чтобъ умъ нашъ возбудить, и всѣ разгнавъ мечты,
Къ тому его возвесть, который съ высоты
Спускаетъ къ намъ сіи сребристы цѣпи свѣта,
Да тѣми отъ суеты, отъ низкаго умета,
Къ себѣ насъ привлечетъ, заботясь какъ Отецъ;
И наши чистыя желанія сердецъ
Привяжетъ навсегда узломъ неразрѣшимымъ,
Къ селеніямъ своимъ, безсмертными блажимымъ.
Всѣ тверди небесныя не книга ли уму,
Которою Творецъ бесѣдуетъ къ нему,
И учитъ мудрости всѣ вѣки и народы?
Взирая на лице полнощныя природы,
Не льзя не вопросить: чьихъ рукъ сіи дѣла?
Чья мышца сильная движеніе дала
Катящимся мірамъ, въ числѣ росѣ подобнымъ?

Кто глыбамъ вещества, вращаться неудобнымъ,
Громадамъ тягостнымъ, далъ легкость, быстроту?
Кто мрачность ихъ облекъ въ блестящу лѣпоту?
Кто свѣтомъ заселилъ пустыни древней нощи?
Кто нѣдра пустоты, бездонные и тощи,
Наполнилъ солнцами для славы своея?
Кто призвалъ въ бытіе изъ тьмы небытія
Всѣ оны чудеса — и всю сію вселенну
Повѣсилъ на ни чѣмъ, какъ перлу драгоцѣнну,
Къ престолу своему, къ подножію его?
О буйство! умудрись отъ зрѣлища сего;
Воззри на небеса, и обратись, безбожникъ!
Художество узрѣвъ, познай что есть художникъ,
И жертвуй сильному смиреніемъ души;
Или затьми всю твердь, всѣ звѣзды потуши,
Безмолствовать вели вселенной вопіющей,
Въ твореніяхъ Творца хвалить не престающей,
Взывающей во дни, и славящей въ ночи.
О ночь! которая, взявъ сребряны ключи,
Полнеба отворивъ по сумракѣ уныломъ,
При свѣтѣ скрытые завистнымъ дня свѣтиломъ
Даруешь намъ узрѣть безчисленны міры!
Владыку мнѣ открой, чьи щедрые дары,
Чьи Царски утвари, блестя на горнемъ сводѣ,
Съ такою пышностью являются природѣ,
Да падши поклонюсь всемірному Царю.
Къ нему я возношусь! какъ быстро я парю!
Какъ малится земля! скрывается отъ взоровъ!
Превыше внутреннихъ воздушныхъ громкихъ споровъ,
Пушистыхъ снѣга гнѣздъ, исходища дождей,

Превыше огненныхъ, пылающихъ пещей,
Гдѣ молній и громовъ сплавляются перуны,
Превыше тѣхъ пещеръ, гдѣ бури дремлютъ юны,
И ждутъ растущихъ крилъ, и строятъ слабый гласъ,
На оный грозный ревъ, который въ краткій часъ
Позыблетъ, потрясетъ, подвигнетъ міръ порочный,
Взыскую отъ стихій, гдѣ кроется всемощный,
Стихіи мнѣ даютъ молчаніе въ отвѣтъ.
Превыше возношусь блуждающихъ кометъ,
Трясущихъ, въ страхъ землѣ, огнистыми власами;
Въ эфирѣ вижу степь горящу чудесами,
Гдѣ солнца вѣчнаго чермнуется заря,
Гдѣ звѣзды какъ пески, сверкая и горя,
Своими блесками величатъ славу Бога;
И все ихъ множество — лишь прахъ его чертога;
Но нѣтъ ихъ множеству извѣстнаго конца,
И гдѣ же жительство вселенныя Творца?
Но что мнѣ вопрошать? Едва ли то безгрѣшно!
Смирись моя душа! во прахъ повергнись спѣшно,
И чти всемѣстное, близъ суще Божество.
Сіе чистѣйшее, святое существо,
Съ престола своего на землю приникая,
И взглядомъ обозрѣвъ вся дольная благая,
Не видитъ ничего толь цѣннаго на ней,
Ниже толь славнаго межъ звѣздныхъ сихъ огней,
Какъ сердце чистое, смиренно, сокрушенно,
Величію его покоище священно,
Храмъ святости его, совмѣстный небесамъ.
Творецъ непостижимъ: — и таинство онъ самъ,
И всѣ его дѣла таинственны и чудны.

Великость ли его вмѣстится въ мысли скудны?
Единый изъ его безчисленныхъ лучей,
Едва, едва стерпимъ для умственныхъ очей.
Безмѣрно возносясь превыше всѣхъ твореній
Превыше выспренихъ мечтанія пареній,
Особится единъ, неизреченный Онъ;
На правдѣ, на любви Его почіетъ тронъ,
И доблести сіи, обьявъ одна другую,
Хвалой превознося премудрость всеблагую,
И сами удивясь союзу своему,
Гремятъ о ней всегда созданію всему.
Полнъ въ дѣйствіяхъ своихъ всевластныя свободы,
И маніе его — рожденіе природы,
И сѣнь его руки — природы твердый щитъ,
Ея рушеніе — его суровый видъ!
И адъ бунтующій его прещеньемъ связанъ. —
Одѣянъ лѣпотой, и силой препоясанъ,
Все сущее творитъ, творя свой произволъ.
На все парящее онъ смотритъ въ долъ и въ долъ,
И мѣритъ пядію безмѣрность, безконечность.
Онъ солнце Благости — и день его есть вѣчность,
Симъ солнцемъ грѣяся духовный міръ живетъ;
Предъ симъ, свѣтъ зримый — тьма; предъ симъ
тьма бездны — свѣтъ!

Мы окончеваемъ здѣсь выписки изъ сего отличнаго сочиненія, о которомъ могли бы сказать много, но краткость времени не позволяетъ намъ входить въ изслѣдованіе онаго, а

только прочитать нѣкоторыя изъ него мѣста, желая, чтобъ словесность наша далѣе и далѣе обогащалась таковыми твореніями.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМАГО ЧТЕНІЯ.

Опытъ о Россійскихъ писателяхъ:

Ѳеофанъ. . . . . Стр. 3

Къ моему генію. 65

Басни:

1 Котъ и поваръ. 67

2 Раздѣлъ. 69

Извѣстіе о новыхъ присылаемыхъ

въ Бесѣду сочиненіяхъ. . . . 71